

Коллектив авторов

**ЛЕГЕНДЫ ПУСТОШИ
(СБОРНИК)**

Серия «Технотьма» – 14

ebooks@prospekt.org

Виктор Глумов. Погибель

ПРОЛОГ

Никому не показалось странным, что с утра мобильная связь работала с перебоями.

Никто не придавал значения тому, что обеспокоенные кошки метались по квартирам в поисках укрытий и нервничали собаки.

Миллионы аквариумистов всего мира с недоумением констатировали, что одни рыбки бились, охваченные непонятным рыбьим психозом, а другие всплыли кверху брюхом.

Старики с раздражением хлопали барахлящие телевизоры и бранились — но ведь ничего страшного, бывает!

Молодежь разбрелась по скверам и, попивая прохладительные напитки, радовалась теплоте выходному.

А сотрудникам полиции и «Скорой помощи» было не до размышлений — они не справлялись с лавиной вызовов.

Михаил

Мик толкнул дверь подъезда и шагнул из сырого полумрака в ласковый майский день. Тепло стало внезапно; забывая выхлопные газы, пахли юная трава и цветущие яблони. Клейкие листья разворачивались и тянулись к солнцу. Мик потер слезящиеся глаза, перехватил поудобнее гитару и, улыбаясь, зашагал к соседнему двору, где жил Борька Годзилла, которого тоже утомила подготовка к ЕГЭ, и он жаждал весны, тепла и праздника.

Миновав детскую площадку, оккупированную горластыми малышами и их мамами, Мик хлопнул щербатой дверью и взбежал на второй этаж. Борька открыл прямо перед носом — маленький, щуплый, синюшный, со впалой грудью, похожий на больного цыпленка.

— По чайку? — спросил Мик, стянув кеды и прислонив гитару к стене у входа. — Предки где?

— На даче, — пискнул Годзилла из кухни, загремела посуда. — Тебе везет: мать типа модельер, шьет чего-то, отец — адвокат, вечно их дома нет. Сегодня тоже, да?

— Ага, — ответил Мик и занялся ноутбуком Годзиллы, стоящим в кухне на подоконнике. — Я музыку поставлю. Можно?

Единственному другу Годзиллы было можно все и всегда — так хилый парнишка с самого первого класса расплачивался за благосклонность Мика, рос в его тени и был доволен. Впрочем. Мик своей властью не злоупотреблял, ведь Борька — отличный парень, да к тому же талантливый.

За окном шелестела трасса, вопили детишки, полная женщина, похожая на маму Мика, выбивала ковер. Глядя на нее, Мик задумался. Приоткрыл форточку.

— Чай готов, — вернул его в реальность Борька. — Чё-то ты, друг, потерянный какой-то.

— Учеба съела мозг. — Мик придвинул свою чашку и положил три ложки сахара. — Видишь — глаза красные, вытекут скоро.

Борька надел очки, прищурился и сказал:

— Ага. Да чего нам бояться? Мы умные. Если мы нормально не сдадим, то никто не сдаст. Я песню новую сочинил, ща попьем — сыграю. Ты оценишь!

Поглощенный предвкушением Борька шумно отхлебнул из чашки, еще отхлебнул. Глянул поверх плеча Мика в окно и вскочил, опрокинув стул; трясущимся пальцем указал на улицу.

Холодея, Мик поднялся. В затылок из форточки дохнуло горячим, взлетели и коснулись плеч золотистые шторы. В комнате потемнело. Борька, слепо шаря перед собой руками, шагнул вперед. Еще шагнул.

Мик наконец обернулся: женщина, выбивавшая ковер, две девчушки лет двенадцати, выводок бабок на лавочке, мужик с пуделем на поводке — все задрали головы к небу и разинули рты. Небо напоминало огромную черно-сизо-бурую воронку, вращающуюся по часовой стрелке. В центре ее зияла дыра.

И длинными щупами, столбами темноты, тянулись от краев воронки вниз смерчи. Два. Четыре. Шесть.

Завизжал пудель, рванулся и обмяк на поводке. Заорал Борькин кот Беляш и с разгона всем телом ударился в стекло. Запертые в квартирах домашние питомцы выли, клекотали и скулили на тысячи голосов. Воронка раскручивалась, разворачивая темные «рукава» к пока еще синему горизонту.

Ползли вперед смерчи. Мику показалось, он слышит гул.

— Ч-чт-то это? — Борька пятился, пока не уперся спиной в дверь. — Ураган? Торнадо?

Мик покачал головой и отступил — вовремя. Мощный порыв ветра ударил в окна, и форточка разлетелась осколками. Зазвенели стекла. На улице заголосил малыш. С трассы донеслись визг тормозов, глухие удары и мат.

А потом пол вырвался из-под ног.

«Мама!» — в ужасе подумал Мик.

Елена

Нервно поглядывая на часы, Елена следовала за парнем в огромных наушниках. Удобный парень — плечист и широк, еще шире ее. На эскалаторе Елена выглядывала из-за его спины, рассчитывая увидеть Игоря. Точнее, надеясь, что его здесь не найдет.

Ступила с эскалатора на платформу и поспешила укрыться за колонной. Нужно оставаться незамеченной. Игоря здесь нет. Он не мог так поступить с женщиной, которая отдала ему лучшие годы жизни, двоих детей родила! Кровь колотилась в висках, под мышками стало мокро. Пальцы терзали кожаную сумочку ручной работы — раньше Елена считала аксессуар вершиной своего мастерства и берегла, но сейчас забыла обо всем.

А вот и муж — в середине зала, с цветами! Вздохнув, Елена прижалась к колонне. С цветами!!! Стервец! Нет, чтобы жене подарить, нет, чтобы с сыном готовиться к тестам да ремонт в квартире нормальный сделать, в конце концов! А он таскается со шлюхами! Кобель!

И когда на курорт отправлял в Египет, а детей — в Крым, небось с любовницей на супружеском ложе кувыркался! И когда в Австрию путевку покупал, не работал он, а баб водил! Интересно,

какая она, его любовница? Воображение Елены нарисовало сучку крашеную в мини-юбке, душа сжалась в болезненный комок. Как можно! У него же обязательства — дети. Надо было еще одного рожать, тогда точно никуда бы не делся. А сейчас поздно, Мишка с Надей уже взрослые, не удержат его.

Климакс на его голову! Тогда точно никому не будет нужен.

В тоннеле загрохотало. Проклятый кобелина напрягся, повернулся к тормозящему поезду, куда устремился народ. Так, значит. Значит, из Выхина эта стерва едет. Ну, сейчас она появится — сумкой по роже ее размалеванной. Ногтями нарощенными — по щекам. Выцарапать глаза ее бесстыжие, под поезд стерву толкнуть! Такие не должны жить!

Игорь

Он приехал раньше — просто не мог оставаться дома, Лена так и сверлила взглядом, фыркала, что тот чайник, бурлила кастрюлей борща. И Гарик сбежал. По дороге купил цветов, спустился в подземку. Яна будет минут через десять-пятнадцать, а может, и опоздает. Он простит — он все готов Яне простить, сильной, самостоятельной, нежной Яне.

Конечно, нехорошо. Достоинно осуждения. Конечно, в глазах общества... Коллеги Гарика не заморачивались этой темой: семья семьей, а должны быть у мужика радости, любовница. Семья — это обязательства. Вот и весь морально-этический конфликт.

А Гарик извелся. Уже несколько лет, выступая адвокатом на бракоразводных процессах, он места себе не находит — в каждой обманутой жене видит Лену, в каждом оступившемся муже — себя. Одно время казалось: поступи по-мужски, уйди от жены, ты же не бросишь детей, да и не такие они маленькие... Теперь не такие маленькие, а три года назад Наденьке было пятнадцать, сложный возраст, а Михе — только тринадцать, тоже не подарок.

Лена вечно занята в своем ателье, бизнес идет ни шатко ни валко, Гарик целыми днями

пропадает на работе, а с детьми надо заниматься. Вот сегодня, в законный выходной, воскресным днем, сел бы и погонял Миху по математике. С Надей поговорил бы по душам — девочка, кажется, переживает возрастной кризис.

Огибая замершего с букетом в руках Гарика, мимо спешили люди. Мелькали макушки самых разных цветов — из-за своего роста Гарик на большинство прохожих смотрел сверху вниз. Подъехал поезд с «Рязанского проспекта», Гарик напрягся, всматриваясь в пассажиров, но Яны среди них не было.

И все-таки он имеет право на счастье.

Он никого не обделил и никого не обокрал. Его отношение к Елене и детям не изменилось, как не любил он жену, так и не любит, давно уже чувства прошли, сейчас и не поймешь, были они, нет... А с Яной хорошо. Яна ничего от него не требует, они просто счастливы рядом.

Правда ведь?

Яна — сильная, Яна — храбрая, майор полиции, красавица и умница. Яна все понимает, понимает, что не уйдет Гарик от своей семьи, что у него обязательства.

Вечером он будет дома. Проверит математику

у Михи. Приготовит ужин. Поговорит с Надей — она необычная, выделяется из толпы, да, с ней трудно, но Надя — хорошая девочка. Тренькнул телефон, Гарик прочитал эсэмэс: «На „Выхино“, буду через 3 мин».

Мигнул свет. Загорелся снова — тусклый, дрожащий. Окружающие замерли, по платформе пронесся дружный вздох. Гарик убрал телефон в карман и вытер о брюки вспотевшую ладонь.

— Уважаемые пассажиры! — раздался голос из динамиков.

И тут же прервался. Потому что свет погас, на этот раз — надолго. Гарик от неожиданности уронил букет.

Надя

Стася, Васька и Надя расположились в сквере. Солнце припекает, до экзаменов — две недели, делать нечего, а погода шепчет.

— Может, в лес? На шашлычки? — предложила Васька и щелчком отбросила бычок.

Сидящая рядом с ней на спинке скамейки, как на жердочке, Надя положила подруге руку на колено и слегка сжала обтянутую джинсой упругую плоть. Стася захихикала. Ковыляющая мимо бабка злобно зыркнула на девчонок и сплюнула в сторону. Надя нагло улыбнулась.

— Так тачки нет, — сказала Стася Ваське, — Надя же папину машину разбила.

— Не разбила, млять, а слегка тюкнула. — Надя притянула к себе Васю и зарылась лицом в ее волосы, черные, пушистые, пахнущие ромашкой. — Но факт: тачки нет. А на себе переть — вломы.

— А что тебе папа сказал? — В этом вопросе — вся Стася, девочка-одуванчик, создание неземное, стерва стопроцентная.

— Ничего. С руки жрет. Это же отец. Простит, куда денется, он перед нами виноват — времени не уделяет, да еще и кобелирует на стороне. Мать

сегодня за ним шпионит, хотела меня припахать, но я смоталась. Я отца понимаю: маманя — та еще корова, ему, наверное, свежачка хочется...

— Надь, — Вася повернулась и заглянула в ее лицо, — а если я растолстею, ты что, меня бросишь?

— А ты не толстей, — отрезала Надя. — Себя любить надо. Следить за собой.

Подруга обиделась, Надя нежно поцеловала ее, обещая интересный день и волнующую ночь. Василиса подходила ей — такая же невысокая, но в отличие от крепкой, спортивной Нади тоненькая. Вместе они выглядели интересно.

От Васи пахло «Ягой» — взяли по баночке для разогрева.

— Везет тебе, Надька, — елеиным голосом гнула свое Стася, — меня бы папаша прибил. И так скандалит — друзья мои ему не нравятся, ориентация не нравится...

— Да какая у тебя ориентация! — рассмеялась Надя. — Шлюха ты — вот и вся ориентация!

Назревал скандал, и Надя была довольна: хорошая ссора, бодрящая ругань. Все равно Стаська никуда не денется, будет таскаться за

ними с Васей, в рот заглядывать — ведомая она. Хоть и стерва, а второй сорт.

Налетел горячий ветер, будто из пустыни дохнуло. Вася пискнула и вцепилась в Надину руку, Стася выдохнула длинное «О-ой!». Ветер усилился. И Надя увидела, как в небе чернильной кляксой расплзается тьма, тянет вниз щупальца смерчей. Она отбросила банку с «Ягой» в сторону, напиток пролился, запахло резко, неприятно.

Воздух гудел. Надя спрыгнула со скамейки, ей показалось, что земля напряглась, будто сведенная судорогой. Рядом всхлипывали девчонки. Растеряла свою наглость Стася, Василису била крупная дрожь. Надя все не могла заставить себя сдвинуться с места, уже доносился гул смерчей, и не просто горячим веяло, а, словно из топки, тянуло адским пеклом.

— О-ой, — повторила Стася, оседая на асфальт. — О-ой. Мамочка...

И последнее слово включило Надину думалку. Мама. Папа. Правильно. Домой. Отец должен что-то придумать, отец обязан что-то придумать, отец все исправит.

Василиса склонилась над Стасей, трясла ее за плечо.

Надя развернулась и, не оглядываясь, подталкиваемая в спину горячим ветром, кинулась бежать к дому.

Игорь

Кажется, все пассажиры замерли на платформе, боясь шевельнуться. Гарик вспомнил: перебои с электроснабжением в метро бывают — правда, обычно в Бутово, а не в Кузьминках, но все когда-нибудь случается впервые. Главное — без паники. Сейчас включат... Включили. Тот же свет — дрожащий, неверный, тусклый.

— Уважаемые пассажиры, сохраняйте спокойствие! — Женский голос, близкий к истерике. — Сохраняйте спокойствие, проходите на выход, пользуйтесь...

Пол выскользнул из-под ног. Гарик успел испугаться сердечного приступа, и тут зал взорвался многоголосым воплем, скрежетом, воем. Гарик встал на четвереньки. Колонна отделяла его от мчащейся толпы. Станция «Кузьминки» — неглубокая, старая, привычная, в сейсмоустойчивой Москве — ходила ходуном. Гарик никогда раньше не чувствовал дрожи земли и сейчас с удивлением отметил: инстинкты дремлют, паника не захватила его, он не мечется, не вопит, не хватается за голову и сердце... Следующий толчок был сильнее. Во рту пересохло. Гарик прижался к полу. В туннеле что-то с грохотом обвалилось.

Пол качался под Гариком, как палуба корабля в шторм, скрипели перекрытия, с потолка сыпались камни, и Гарик с ужасом смотрел, как из туннеля выползает клуб не дыма — пыли, поднятой обвалом.

А потом стало темно — видно, кабели не выдержали землетрясения.

Станция несколько раз вздрогнула — яростно, будто собираясь поглотить, прожевать, размолоть людишек. И все успокоилось.

Где-то капала вода. В темноте плакали, причитали. Замолкал отдаленный грохот, с тихим стуком падали камешки с потолка.

«Надо выбираться, — подумал Гарик, поднимаясь. Он придерживался рукой за колонну. — Надо выбираться, станция неглубокая, нас откопают. Если не будет новых толчков. Или через туннель можно к „Выхино“ ... „Выхино“. Яна». Гарик вытянул мобильник из кармана. Включил. Связи не было, но появилось пятнышко света. Мобильник послужит фонариком, осветит путь.

Елена

Елена упала еще после первого толчка, ударилась коленями, локтями и потеряла ориентацию. Еще было светло, но она не понимала, где верх, где низ. Да что же это делается, ой, мамочки, теракт! Ее чуть не затоптали, мужчины неслись мимо, и не думая ее поднять, не пытаясь протянуть руку помощи. Елена с трудом встала, всхлипывая. Старалась удержаться на ногах — бесполезно. Тряхнуло с ужасающей силой, с потолка посыпались камни, больно ударили по голове и плечам, Елена полетела на грязный пол. И выключился свет.

Она плакала, размазывая слезы, не заботясь о макияже. Так страшно, насколько жутко ей не было никогда. Елена осознала, что она смертна, более того — вот сейчас, вот уже, и совсем одна, и Гарик... Ах, подлец! Это он во всем виноват! Если бы не кобель этот потасканный, Елена не спустилась бы сегодня под землю! И ведь он рядом, где-то рядом, а не придет, не поможет, не защитит! Спасать жену — обязанность мужа.

Елена стряхнула оцепенение, исполнилась благородной злости и, перекрывая чьи-то стоны, завопила: — Игорь!

Получилось не очень громко, зато жалобно.

Нет ответа. Ах он, зараза. Наверняка услышал, но затаился, хочет к своей сучке крашеной улизнуть, жену бросить в этом склепе.

— Игорь!!!

Рядом кто-то пошевелился, и мужчина спросил: — Потеряли кого? Сына?

— Мужа! — рявкнула Елена, поднимаясь. — Ничего. Найду.

Даже в панике, в хаосе прошлых минут, она не выпустила из рук сумочку. И сейчас нащупала в ней телефон, выхватила, открыла. Синеватый свет озарил ее руки. Связи не было. Вот ведь мужики. Сама природа им помогает, от жены укрывает.

— Игорь Шилов! — крикнула Елена тем тоном, которым обращалась к детям и мужу в моменты ссоры.

Светя под ноги, она двинулась к колоннам, переступая через валяющихся людей и огибая стоящих, сидящих. И где, интересно, полиция, где МЧС? Почему бездействуют, граждане же в беде. Каблук подломился, Елена споткнулась и чуть не упала. Слезы высохли. Ох, найдет она мужа — сразу прибьет. По щекам надает подлецу! Заманил сюда, скотина этакая, в подземелье, как

знал — землетрясение будет.

Продолжая звать мужа, Елена ковыляла по платформе.

Игорь

Ему послышался голос жены. Быть не может. Лене делать на станции совершенно нечего. Она дома должна сидеть и изводить детей своими придирками. Или... Игорь зажмурился, но темнота под веками не прогнала видение, явившееся во мраке окружающего. Разрушенный дом. Обломки. Оседают облако пыли. И там, под бетонными плитами, отрезанные друг от друга, без него — Мишка и Наденька. Он должен, обязан быть с ними.

— Игорь Шилов!

Нет, не послышалось. Игорь открыл глаза и огляделся.

Тут и там светились экраны мобильных, на станции двигались люди. У них шок, они не ломаются к выходу, они пока что приходят в себя, переговариваются. Вот, снова его зовут. Может, и не его — мало ли в Москве Игорей Шиловых, но эти интонации... этот голос... Неужто и правда Лена?

Гарик стоял на месте, высоко подняв руку с мобильником, и старался высмотреть жену. Он надеялся, что ее здесь нет, что у него галлюцинации, крепко приложился головой, вот и мерещится всякая пакость. Ведь Лена может

быть здесь только по одной причине: шпионила, следила за неверным мужем. И детей в такой момент оставила одних.

Эта мысль придала Игорю сил: он разделил ответственность. Не только он — предатель, бросивший беспомощных подростков, но и Лена хороша.

А вот и она. Грузный силуэт, движущийся к нему с характерными подвываниями.

— Ленка! — крикнул Игорь.

Жена остановилась, и Гарику ничего не оставалось, как пойти ей навстречу.

Елена

Подлец. Урод. Идиот. Она ему все высказала, все, не стесняясь окружающих, — и что он виноват, и что шлюху его, Лена надеется, завалило, убило, размазало! Ни клочка волос крашенных не осталось! Елена говорила и говорила, а он стоял, как всегда, безответный, молчал, и что ни бросишь в лицо — как с гуся вода, без толку.

— Лен, — наконец произнес Игорь, и она с замиранием сердца решила: покается. — Лен, успокойся. У нас дети дома одни. Нужно выбираться, пойдем.

— Куда?! Никуда я не пойду. Тут милиция должна быть, МЧС приедет, подождем, нас раскопают.

— Лена, послушай, — бесцветным голосом продолжал неверный муж, — нам повезло, что станция выдержала. Нужно уходить, пока снова не трянуло. У МЧС сейчас представляешь сколько работы? Дома в Москве на такое не рассчитаны, а у нас там дети. Пойдем. Нужно действовать. Если здесь наверх не выйдем — в сторону «Выхино» по туннелю...

Елену моментально озарило: да он же сучку свою отыскать хочет! Он к ней рвется, не к детям.

Нет уж. Не будет на это ее согласия.

Она уперла руки в бока:

— Никуда не пойду. И тебя не пущу.

— Лен, прекрати...

Темноту прорезали лучи фонарей. Это пришли в себя сотрудники метрополитена и полицейские. Елена ткнула в их сторону пальцем, подтверждая свою правоту. Игорь замолчал, плечи опустил.

— Видишь? — торжествовала Елена. — Вот это — мужики! А ты ни на что не способен, ты не мужик, тряпка ты!

Она поспешила к полицейским. Сейчас она им все объяснит, предложит денег, только чтобы ее первую выпустили. А *этот* пусть остается. Ищет свою дрянь. Если ему так хочется. Ни на что не годен. Ни на что!

В свете фонарей Елена заметила, что на станции есть настоящие мужики. Высокие, плечистые, они твердо стояли между лежащими и на карачках ползающими людьми. У Елены сильно забило сердце. В мечтах она уже лежала, вся такая безвольная, на руках у красавца-спасителя.

Она даже не сразу сообразила, что происходит, что за вспышки, оглушительные хлопки со стороны полиции. Стреляют?! Наверное, среди пострадавших — мародеры или вовсе преступники. Прижав сумку к груди, Елена бросилась к плечистым, таким спокойным мужчинам.

Михаил

Дом покачнулся, стекла брызнули осколками, с потолка посыпалась штукатурка. Борька заверещал и на коленях пополз к выходу. Второй толчок повалил Мика, распластал на паркете. По потолку, ширясь, ползла трещина, медленно сыпался песок, Мик лежал и смотрел не в силах шевельнуться. Землетрясение? В Москве? Это невозможно!!!

Дом сотрясался в агонии, выл и стонал перекрытиями. Борька скулил, обхватив голову руками. Толчки не прекращались.

— Иди сюда! — заорал Мик, задом пятясь под стол. — Борька! Твою мать!

Видимо, Борька не расслышал и ломанулся из квартиры. В очередной раз тряхнуло, стена обвалилась, взметнув облако пыли. Мик инстинктивно закрыл лицо руками. Ему показалось, что он куда-то падает, старый мир рушится и норовит стереть его, погresti под обломками. Грохот, треск, вой, удар снизу — перебило дыхание.

Некоторое время Мик лежал неподвижно, не открывая глаз, и думал, что он мертв. Болело ушибленное плечо, ныло в груди. Мик шевельнулся — вроде живой. Разлепил веки —

чернота, собственной руки не видно. Попытался выпрямиться — ударился затылком и вспомнил, что он под столом, погребен заживо. Как в гробу.

Но кто-нибудь должен прийти на помощь! Например, спасатели. Здравый смысл шепнул, что, пока они сюда доберутся, Мик умрет от жажды мучительной смертью. Да какой от жажды — он попросту задохнется. Надо попытаться выбраться. Мик уперся руками и ногами в завалы, выпрямился, напрягся — бесполезно. Перевернулся на живот и принялся, сдирая ногти, копать, но вскоре натолкнулся на бетонную плиту. Бесполезно.

— Помогите! — крикнул он, ударив по плите кулаком. — Помогите кто-нибудь!!!

Не понимая, что делает, он продолжал бить по камням и кричать, с каждой минутой все больше скатываясь в истерику.

Стоп! Так быстрее выработается кислород. Задышавшись, Мик замер и прикусил указательный палец, подтянул колени к груди и ощутил себя ребенком, запертым в чулане. Сейчас придет папа или мама, откроют дверь, брызнет солнце...

Это сон, сон. Всего лишь кошмар. Открой глаза — и он закончится. Надо проснуться. Мик сильнее стиснул зубы — не помогло. Не сон это —

реальность, и никто не придет.

Земля дернулась, Мику почудилось, что дом дал крен и завал движется. Царапая пол, затрещала плита, поползла, и — или это часть бреда? — Мик разглядел узкую светлую полосу. Еще толчок — плита рухнула, и Мик, обдирая колени, полез в узкий лаз. Застрял, ухватился руками за прутья арматуры, оттолкнулся ногами. Рывок. Еще рывок... Свобода!

Упав на камни, он засмеялся в голос, сжал виски. Бурое небо вспухало, будто его взорвали. Порывы горячего ветра трепали вихры. Чернота простиралась до самого горизонта. Разинув рот, Мик поднялся и огляделся.

Половины кухни не было, осталась малая ее часть, стена обвалилась, Мик стоял на краю обрыва, обеими руками ухватившись за арматуру — ветер все усиливался, — и не верил своим глазам: город лежал в руинах. Некоторые новостройки накренились, прочие обрушились. Под давлением оседающих стен металлопластик окон где выгнулся, где сплющился и белел под завалами, как поломанные кости. Каркасы по большей части выстояли, родная многоэтажка возвышалась над развалинами, рухнула лишь правая ее часть. В уцелевшей хрущевке справа полыхал огонь — языки пламени вырывались из выбитых окон, черный дым тянулся к

вращающейся в небе воронке. Пуповины смерчей оторвались от нее, обрели свободу и разошлись в стороны. Один, похоже, двигался сюда. Ветер бежал впереди него и гнал по дорогам, засыпанным обломками, целлофан, картон, бумагу и куски рубероида.

Наступило странное оупение. Мик сел, облизал пересохшие губы и заставил себя думать. Недалеко отсюда — старые дома, рассчитанные на бомбардировку, там есть убежище, Мик помнил, как туда проникнуть. От смерча лучше спастись в подвале, нужно скорее выбираться!

— Помоги-и-ите, — донесся Борькин сип из-под завала.

По спине продрал мороз. Мик приковылял к дверному проему, торчащему меж обломков, сел на корточки.

— Годзилла? Живой?

Порыв ветра ударил в спину и припечатал к плите. Мик обернулся: черное, змееподобное тело смерча вращалось ближе. На самом деле — километрах в тридцати, но казалось, что до него рукой подать.

— Нога, — прохрипел Борька. — Помоги — больно! Я задыхаюсь!

Мик еще раз глянул на смерч, схватил железный, советский совок для мусора — вполне себе саперная лопата — и крикнул, перекрывая рев ветра:

— Держись, друг, я тебя не брошу!

Надя

Земля изгибалась и растягивалась, будто под ней ползали гигантские черви, из недр доносился монотонный гул. Молодые липы, посаженные вдоль домов, то прижимались к земле, то вскидывались вертикально. Новостройки складывались карточными домиками. Надя понимала: от зданий надо держаться подальше, и бежала к родному двору; точнее, пыталась бежать. Там отец. Должен же он позаботиться о детях! Обязан позаботиться! На то он и отец.

На машины срывались камни, проламывали крыши. Люди выскакивали из домов и падали, Надя не обращала на них внимания. Выжить. Спасти любой ценой.

Позади ковыляла Васька. Вот же увязалась дура, астматичка! Камень на шее. Надя пыталась оторваться от нее, но снова и снова падала.

Все-таки Васька настигла ее и распласталась рядом. Надя с ненавистью смотрела в красные от слез глаза. Васька шевелила тонкими губами, ее шепота не было слышно, но Надя читала набившее оскомину: «Я тебя люблю». На этот раз она не стала отвечать, но решила, что Васька — это даже хорошо, вдвоем не так страшно. Правда, она немощная, но то второй вопрос, вон жить захотела — и силы нашлись.

Подземные толчки достигли максимума. Земля агонизировала. Лавочка, стоящая в двух шагах, то отползала в сторону, то придвигалась почти вплотную. За нее держался мальчик лет семи, ревмя ревел и звал маму. Дома качались, роняли осколки стекол, штукатурку, балконы и целые этажи. Ветер сушил губы и глаза, безумно хотелось пить. Солнце скрылось за расплзающейся по небу чернотой, но жара стояла такая, что молодая трава темнела и жухла на глазах.

Постепенно толчки сошли на нет. Надя поднялась, тряхнула головой — из волос посыпались земля и пыль. Васька выла, как тот малыш, — жалела маму и сестричку, Надя же была уверена, что с ее родственниками ничего не случилось. Да и что такое родственники? Ей нравилась чья-то мысль, что это группа ничем не связанных между собой лиц, собирающихся периодически пересчитываться и вкусно покушать по случаю изменения их количества.^[1]

— Пить охота, — прохрипела Васька, подползая.

— Хрен с ним, с питьем, ты туда глянь! — Надя ткнула пальцем в приближающийся смерч. — Что сюда доберется — не факт, но нужно спрятаться.

Малыш таки набрался смелости и, держась за лавочку, бочком, бочком подошел, хлюпнул носом и залепетал:

— Тетеньки, а вы не знаете, что с моей мамой?

— Какие мы тебе тетеньки? Вали отсюда, личинка!

Мальчик попятился, всхлипнул и снова заревел. На Васькином личике читалось недоумение, она переводила взгляд с любимой на малыша и обратно. Дунул ветер, сорвал с покореженной крыши лист металлопрофиля и понес, будто бумажный самолетик.

— Хрена се! — выдохнула Надя и, рукой защищая лицо от летящего мелкого сора, направилась вперед; что делала Васька, ее не волновало. Если хочет нянькаться с чужим ребенком, к тому же пацаном, — перышко ей в зад.

Васька выбрала любимую, схватила ее за руку, Надька сбавила темп. Идти против ветра было невозможно, порывы достигли такой силы, что вороны в небе двигались хвостами вперед. Вереща и перебирая лапками, мимо пролетел пекинес вместе с поводком. Тонкую Ваську сдуло, она упала, Надя помогла ей подняться и прохрипела, сплевывая набившийся в рот песок:

— Пригнись. Землетрясение кончилось. Надо спрятаться, иначе хана! — Невольно обернувшись, она увидела, как малыша тащит к развалинам пятиэтажки вместе со скамейкой. — Вот дом почти целый, нам надо в подвал.

— Ой, что это? Мама-мамочки! — Васька вцепилась в нее и готова была залезть на голову.

Надя прищурилась и еле разглядела в поднятой пыли очертания существа: размером с теленка, но лапы короткие, пузо по земле волочится, деталей никак не разглядеть, но и слава богу!

— Твою ж мать, крокодил, что ли? Сбежал у кого-то? Фиг с ним, давай прятаться.

Свернули ко второму подъезду, перелезли через кучу кирпичей и штукатурки: дверь завалило. Пришлось штурмовать выбитое окно на первом этаже.

Надя полезла первая, уже почти преодолела препятствие, но дунул ветер, и она задела бедром осколок стекла, торчащий, будто нож. Выругалась, осмотрела порез сквозь дыру в джинсах: неглубокий, кровь выступила капельками, похожими на бисер ртути.

— Дай посмотрю, — проговорила Васька, но

Надя отстранила ее.

Маленькая комната, куда они проникли, почти не пострадала, лишь треснул потолок и штукатурка осыпалась на ворсистый ковер. Игрушки — роботы и солдаты — попадали с полка, телевизор тоже свалился, но не пострадал. На полу Надя обнаружила раскорячившийся нетбук, подняла: работает! Отряхнула, закрыла и сунула под мышку. Хорошая вещь, можно будет загнать — папаня-то бюджет урезал.

Вышли в темный коридор, Надя щелкнула выключателем, но света не было, чего и следовало ожидать. Во второй комнате, гостиной, провалился потолок. Из-под рухнувшего шкафа к двери тянулась рука, присыпанная известкой, просматривались окровавленные остатки головы. Надя схватилась за горло, Васька заверещала и получила подзатыльник.

— Заткнись, трупы не кусаются.

Входная дверь была распахнута, вышли на лестничную клетку и, не обращая внимания на стоны и крики о помощи, двинулись дальше. Василиса, шедшая первой, завизжала у поста консьержа, но зажала рот. В кресле развалился старик, выкатив бельма и вывалив язык.

Хрустя стеклами, на цыпочках прошли к

лифтам. На улице по-прежнему завывала и ревела буря, летело все, что легче центнера, здесь же царило затишье — дом стоял торцом к северу, и ветер огибал его.

Яна

Яна выбралась из вагона. Двери разжали вручную, люди паниковали, но пока без вдохновения, слабенько. Хоть с этим повезло. И еще конечно же повезло с интуицией или провидением — как хочешь называй, — Яна на свидание надела не мини-юбку (она оказалась изгаздана чем-то), а джинсы и блузку. Соответственно, от каблуков отказалась — легкие мокасины, удобные и практичные.

Как знала.

Первым делом, когда потрянуло, Яна схватила сотовый — связи уже не было, чего и следовало ожидать. Затем проверила, не забыла ли удостоверение. А потом, сохраняя хладнокровие, принялась руководить спасением из наклонившегося, замершего на въезде в туннель поезда. Яна ехала в хвостовом вагоне и в окно видела, что творится снаружи. Творилось жуткое и несусветное. Неужели война началась?

Мысль о том, что Игорь в Кузьминках, под землей, она задвинула на самый краешек сознания.

Нужно помочь остальным — голова поезда заползла в туннель, люди оказались в темноте и без помощи. Яна ухватила за руку курсанта

Академии гражданской защиты, оказавшегося рядом. Мальчишка выглядел растерянным, испарина покрыла бледное лицо, и сперва он попытался высвободиться, будто забыл, что на нем форма, будто превратился перед лицом катастрофы в обычного гражданина.

— Курсант! — рывкнула Яна и встряхнула мальчишку. — Я майор МВД. Давайте вместе организуем людей. Им нужно помочь.

Приказывать ему Яна не имела права, но юнец хоть что-то умеет, учат же их...

— Да, — просипел мальчишка, — да, понимаю. Давайте. Да. А что делать?

Яне удалось привлечь еще несколько мужчин и женщин, и вместе они выводили напуганных граждан, падали на землю, когда казалось, что толчки возобновились, пробирались через развалины станции «Выхино», где царил хаос — еще бы, здесь всегда толпа, и вон видны столбы дыма — горит Москва.

Внутренние часы тикали: «Игорь — там, Игорь — там, Игорь — там». На несколько секунд Яна позволила себе расслабиться, оглядеться и почувствовать укол ужаса, на несколько секунд она стала одной из сотен перепуганных людей.

Рельсы вздыбились, изогнулись, шпалы встали частоколом. Рухнул навес — прямо на платформу. Сама платформа переломилась поперек, будто громадный каратист ударил ее ребром ладони. Из-под завала слышались крики, но все перекрывал нарастающий низкий гул ветра. Горячего ветра — таким суховеем дышат печи ада. Небо изменило цвет, возможно, из-за поднявшейся пыли. Запах гари раздражал нос, хотелось чихать.

Игорь — под землей.

Яна глубоко вздохнула. Через туннель она в Кузьминки не пойдет: там застрявшие поезда, а может быть, и обвалы. Похоронить себя заживо и лишить Игоря поддержки — глупость. Нет, она выберется в город, отыщет патрульных, уговорит или заставит помочь. Выходной день кончился, в такой ситуации все служат обществу. Правда, указаний от руководства не поступало... Яна задумалась. Бежать к начальству? Выяснить, где она нужней? Ведь вот же, вокруг — россияне, которых Яна вроде как обязана защищать.

Она обязана спасти любимого.

Разве это преступление? Разве Игорь не гражданин?

Она обязана. Поступи Яна по закону, не по

совести — жить не сможет.

Приняв решение, она кинулась искать безопасный путь в город. И с этим возникли проблемы. «Выхино» — это две станции, метро и электрички, и соединены они подземным тоннелем, довольно узким. И в город выбраться можно только через него. Яна осмотрела заграждение — местами оно обрушилось, значит, надо попробовать напрямик. Надеюсь, что вон те порванные провода — не под напряжением, да и контактный рельс... Яна представила, что творится там, под платформой, в тесноте и темноте, и решительно зашагала в сторону, через пути.

Площадь перед станцией, всегда многолюдная, окруженная торговыми центрами и палатками, лежала в руинах. Пострадавших Яна не взялась бы сосчитать. Она прислушалась, надеясь вычленить вой сирен «скорой» и полиции, но были только ветер, стоны, дальний грохот... Пыль, дым, вдаль не видно. И жарко так, будто вернулся июль 2010-го. Яна поспешила к проезжей части.

Патрульную машину она заметила не сразу: часть дороги провалилась, и там, в дыре, что-то чадило, горело, асфальт под ногами покрылся трещинами и ямами, Яна внимательно смотрела вниз.

«Жигули» ППС стояли себе как ни в чем не бывало. Прислонившись к капоту, курил сержант — руки у него дрожали. Яна бросилась вперед, споткнулась, чуть не упала. Сержант не обратил на нее внимания. В машине угадывались силуэты его коллеги и кого-то еще, может, третьего патрульного.

— Сержант!

Наверное, он был в шоке или не понял, что к нему обращаются.

— Сержант! — Яна ткнула удостоверением ему в нос. — Что происходит? Есть связь с руководством?

— Звездец происходит, — меланхолично заметил патрульный и почесал обильный, через ремень перевесившийся, живот. — И руководство звездой накрылось.

— Почему бездельничаете? Не видите — люди в помощи нуждаются?! — напустилась на него Яна. — Почему свои обязанности не выполняете?

— Потому что звездец, — вздохнул сержант, стянул с головы фуражку и вытер красную морду.

Он был совсем молоденький, чуть за двадцать, а уже толстый, одышливый. И тупой. Яна не

отставала:

— Немедленно возьмите себя в руки. И приступайте к выполнению своих обязанностей. Дайте мне связь с руководством...

— Майор, — патрульный смотрел с жалостью, — какая, на хер, связь? Все накрылось. Нет больше руководства. Ща покурю, и мы с Михалычем домой поедем. Сообразим — как, и поедем. Все человеки. Каждый выживать будет, а ты — руководство, руководство...

Прапорщик Михалыч, такой же толстый, красномордый, но постарше, заметив, что у сержанта назревает конфликт, выбрался из машины.

— В чем дело, гражданочка?

Яна представилась и попыталась хоть этого вразумить — без толку. Прапор придержался той же позиции: «Покурим, решим, как ехать, и отправимся домой». Яна чуть не плакала. Они не понимают, что происходит! И связи с руководством действительно нет, но нельзя же бросать пострадавших...

Из «Жигулей» вылез третий человек. Этот был не в форме, и сперва Яна решила — опер, но оказалось — приезжий из Рязани, которого

патрульные задержали и собирались «потрясти». Приезжий тоже закурил, с презрением посмотрел на полицейских, оценил ситуацию. Подошел вплотную к Яне.

Высокий мужчина за тридцать, одного с Игорем типажа — плечистый, но худощавый, с тонким крупным носом, пронзительно-синими глазами и коротко остриженными, черными с проседью волосами. И как патрульные в нем приезжего опознали? Одет прилично, в черные джинсы и черную футболку.

— Оружие у них заберите, — посоветовал задержанный. — Они пока не понимают. Отдадут. — И, повысив голос, обратился к прапору: — Пистолет-то верните. Уже выяснили, что травматика. Все законно.

— А ты поди так с ходу разберись, что у тебя на поясе... Травматика или настоящая «беретта» — хрен поймешь, — огрызнулся сержант.

— Верните, — приказала Яна. — И я конфискую у вас АКСУ.^[2] И боеприпасы. Вам до дома добраться и табельных «Макаровых» хватит, а мне тут людей спасать.

— Э, нет. — Прапор передвинул висевший на «грудной мозоли» автомат под мышку. — А руководство спросит?

— Скажете, гражданские отняли. Или в провал упал. Ну что, сдаем оружие? Вы же все равно дезертируете.

Яне показалось, что сейчас прапор просто выстрелит ей в грудь. Он-то собирался «смотаться домой» и не думал о себе как о дезертире. Но видно, прав оказался задержанный — полицейские пока не врубились в ситуацию. Окаменев рожей, патрульный отдал Яне укороченный автомат.

Потом оба патрульных погрузились в машину и уехали, резко сдав назад.

Яна осталась наедине с приезжим, критично осматривающим свою травматiku.

— Максим, — представился задержанный. — Ну, майор, что делать будем?

— Зовите меня Яной, — откликнулась она, принимая помощь. — Сейчас только попить найдем, а там нужно бы машину на ходу. И едем в Кузьминки, если вы не против.

— В Кузьминки так в Кузьминки. Люди в беде, помогать надо, кому — не так важно. А попить — вон ларек развалило, давайте запасемся водой. Жарко что-то.

И оба, не сговариваясь, посмотрели в небо, наливающееся желтым цветом, на черные тела смерчей, один из которых, похоже, двигался к Люберцам.

Михаил

Тощий и хлипкий Годзилла казался Мику невероятно тяжелым. Борька стонал сквозь зубы, пытался идти, только ногу он, по ходу, сломал, и наступать на нее не мог. По лицу Борьки градом катились слезы и пот, он вцепился в плечо Мика, навалился всем весом — поди удержи. Смерч приближался, и времени оставалось все меньше. Мик оттащил Годзиллу к обломкам стены, прислонил спиной, склонился над другом. Правая Борькина штанина от колена и ниже пропиталась кровью, и даже так видно было — ноге хана. Борька и сам это понимал.

— Мишка. Ты иди. Оставь меня.

Ну что за киношные позы! Мик разозлился на друга, и растерянность отступила. Он перетянул Борькино бедро самодельным жгутом — собственной майкой. Годзилла захрипел и вырубился. Пользуясь случаем, Мик разорвал его штанину и зажмурился: не просто открытый перелом, кости основательно разможило, острые обломки прорвали плоть и кожу. Шину не наложишь — тут операция нужна. Что же делать? Если при любом прикосновении Годзилла теряет сознание, его вниз не спустишь.

Значит, они оба останутся здесь и вскоре погибнут.

Потому что Мик Борьку не бросит. Он скорее сдохнет, чем оставит беспомощного друга, даже зная, что Годзилла предпочел бы умереть в одиночестве и дать Мику шанс.

Годзилла дышал часто и неровно. Микиных знаний хватило, чтобы предположить: шок. А может, вообще кома уже. И единственное, что можно в таких случаях сделать, — это вызвать медиков, да только как же их вызовешь и где же их найдешь, когда вокруг — Армагеддон.

Слово появилось и осталось в Микином сознании.

Точно — конец света. Большой звездец. Вот уж не думал не гадал, смеялся над выживальщиками... Представив этих самых выживальщиков с набитыми рюкзаками, самодельным оружием, запасом консервов, Мик хрипло рассмеялся.

Чего-чего, а землетрясения в Москве, горячего ветра и смерчей никто не ждал.

Годзилла застонал. Значит, все-таки не кома, просто Борька без сознания. Что же делать?! Ногу, наверное, лучше всего было бы того. Отнять. И прижечь культю. Мик представил, как делает это, и его замутило. Нет, не сможет. Слабак, тряпка, баба.

«Весь в отца, — зудел в голове мамин голос, — такой же! От осинки не родятся апельсинки! Тряпка! Ничего сам не можешь!»

Где сейчас мама, папа и Надька? Впрочем, сестра не пропадет, она кого угодно подставит, всех сожрет, но выкрутится, на чужом горбу выедет. И мама не лучше... А папа помог бы, но сейчас Мик — мужчина, Мик — старший и ответственный, и глупо сидеть вот так, на развалинах, и мечтать, чтобы откуда ни возьмись появился папа.

«Ну, отрубится — и черт с ним, лишь бы от болевого шока не умер!» — решил Мик и огляделся в поиске материалов для волокуши. Ножки стола... Не то. Сорванная с петель дверь, чудом уцелевшая. Мик попробовал, но она оказалась чересчур тяжелой. Из-под обломков стены торчал край занавески. Минут пять, то и дело поглядывая в сторону приближавшегося с ленивой, неумолимой, беспощадной грацией смерча, облизывая сухим шершавым языком трескающиеся губы, Мик освобождал полотно.

Ткань крепкая, должна выдержать.

Из ножек стола и занавески Мик соорудил-таки волокушу — примитивную, корявую, но для его целей вполне подходящую. Пальцы Борькиной ноги уже начали синеть. Приподняв

друга за плечи, Мик перетащил его на занавеску — Борька вскрикнул пронзительно и снова потерял сознание. Оно и к лучшему, наверное. Главное — дышит.

Воды бы достать. Обезболивающих. И антибиотиков. Про антибиотики Мик читал в самых разных книгах — без них никак.

Еще он знал, как в случае чего быстро «защитить» рану клеем.

Да разве поможет это, когда обломки костей торчат во все стороны; желтоватые, неровные... Мик ухватился за слезы и поволок. Он спиной чувствовал каждый камешек, на котором подпрыгивал Борька, каждую неровность, за которую цеплялась его нога, и казалось, что самому больно.

Непереносимо больно. Страшно больно.

Выступили и тут же высохли слезы. Мик кое-как перебрался через завал у двери и очутился на лестничной клетке. Втянул следом Борьку, сквозь зубы приговаривая: «Прости, Годзилла, потерпи, друг, ну никак больше». Борька затылком бился о камни и молчал. Как ни странно, сама лестница уцелела. Почти.

Молясь, чтобы и ниже не попало

разрушенных ступеней, Мик отправился на разведку. Дом скрипел, собираясь развалиться и погрести друзей под обломками. Славно, что второй этаж. Прекрасно, что второй этаж. И лестница цела, и даже выход из дома — цел. Повезло.

О том, чтобы волочь Борьку вниз, не могло быть и речи — Мик просто сломал бы ему таким образом шею или пробил голову, избавив друга от мучений. Он поднатужился и взял Годзиллу на руки. Прямо как герой боевика — пострадавшего товарища. К сожалению, Мик не был Рэмбо, в животе и спине будто что-то порвалось, страшно хрустнули колени.

«Упаду», — понял он.

Но не упал.

Он снес Борьку вниз, и путь со второго этажа на первый был самым длинным в его жизни. Мик положил Борьку на заплыванный кафель и, тяжело, с присвистом, дыша, побрел наверх за волокушей.

Воды. Если он не найдет воду, все лишится смысла. Жара такая — градусов тридцать пять, не меньше, а то и все сорок, как в Египте, куда папа отправлял семью на отдых.

Дом скрипел все сильнее, и Мик осознал, что до убежища они с Годзиллой не доберутся — смерч окажется здесь раньше и унесет их, чтобы потом приложить о землю.

Может, и к лучшему.

Скрип перекрытий и гул ветра прервал незнакомый низкий звук, от которого у Мика волосы встали дыбом. Сердце забилось пойманной птицей, задрожали моментально вспотевшие руки. Звук замер, повторился, и Мик понял, что это.

Выли волки.

Елена

— Все будет хорошо, не страшно, не страшно, — бормотала себе под нос Елена, стремясь к плечистым мужчинам.

В крошечной темноте она наталкивалась на людей, бегущих к лестнице и эскалаторам, и не задумывалась, почему все ломается в обратном направлении.

— Лена, вернись! — доносился взволнованный голос Игоря. — Лена, что ты...

Его крик утонул в многоголосом вое. Орала так, будто кого-то режут на части, вскоре крик перешел в хрип и бульканье. Завизжала женщина, донесся рык. Грохнул выстрел. Охваченная ужасом, Елена остолбенела, не зная, куда бежать. Орала там, где плечистые. Туда же стреляли. Блуждающими огнями то зажигались, то гасли мобильные, выхватывая перекошенные ужасом лица.

Это что же, кто же так рычит? В кого палят — в мародеров? Отвечая на ее вопрос, рыкнули ближе, Лена попятилась, подняла над головой сотовый, и ее тотчас сбила с ног светловолосая девушка, повалила, упала сверху, попыталась вскочить и убежать, но почему-то поехала назад на животе, ухватив Елену за голень:

— Помогите, они... они...

Девушка истошно заорала — Елена выронила телефон. Ноги ослабели, кровь гулко колотилась в висках. Дрожащими руками она нашарила мобильный, посветила вперед: над ней возвышался, скаля острые зубы, дикарь, голый по пояс. Нет, не дикарь: его ноги выгибались коленками назад, а на пальцах — о боже! — были огромные, как у медведя, когти. И на них — мамочки! — алела кровь.

Крик застрял в горле, Лена, булькая, попятилась, не вставая, уперлась во что-то мягкое, липкое, горячее. «Труп, — отстранено подумала она. — Растерзанный, окровавленный труп».

Тварь приближалась, рыча и отмахиваясь от луча полицейского фонарика. Всхлипывая, Елена отползала назад. За уродом возвышалась одна, две... десятков таких тварей. Люди орали, матерились и звали полицию. Грохали выстрелы. Ближайшая тварь взвыла, рухнула прямо на Елену и, издыхая, сомкнула лапы на ее бедре. Острые когти вонзились в плоть. Закатив глаза, Елена заорала:

— Иго-о-орь! Спа-а-а-а...

Вроде бы хрустнула кость. Боль пронзила

сознание, и мир начал меркнуть. Последнее, что запомнила Елена, — выпученные глаза твари с вертикальными зрачками и безгубая клыкастая пасть.

Очнулась она в темноте на чем-то мягком, живом. Застонала. Нога болела адски — значит, живая. Теплая ладонь легла на щеку, коснулась лба:

— Лена, Леночка... Живая!

— Не дожدهшься, — проворчала она, попыталась сесть и зашипела от боли. — Что вообще происходит?

Ей ответил выстрел. Игорь помог Елене сесть, и она поняла, что находится на лестнице среди перепуганных людей.

— Откуда-то появились дикари, — снизошел до ответа благоверный. — Они убивают людей, полиция их сдерживает. Пока.

— Что значит «пока»? Надо уходить отсюда. И где моя сумочка? Там паспорт... Игорь! — Она вцепилась в его рубашку. — Сделай же что-нибудь! Я тут, между прочим, из-за тебя!

— Выход завален, — сказал он. — Станцию заполнили эти существа. Надеюсь, спасатели

успеют, пока они до нас не доберутся.

— Что значит «успеют»? Ты обязан меня отсюда вытащить! Мужик ты или нет?! — Она всхлипнула. — Если бы ты побольше времени проводил с семьей, а не шлялся со шлюхами... Да-да. Не таращись, я знаю, зачем ты здесь. Так вот, если бы не твоя стерва, мы были бы дома, а не тут!

— Помолчи, пожалуйста. Неизвестно, что с нашим домом и детьми.

— Дети! — Елена заголосила, потом перешла на шепот. — Это ты, ты во всем виноват, теперь ищи выход! Где хочешь, там и ищи...

Грохнул выстрел. Рев заполнил станцию, людская толпа колыхнулась и затихла.

— Патроны заканчиваются, — донеслось снизу. — Надо экономить, долго не продержимся.

— Да откуда взялись эти уроды? — ответили фальцетом. — Прут и прут. Господи, спаси!

Игорь

Гарик встал. Напуганные люди заполнили каменную лестницу, они жались друг к другу, сидели на перилах и тянули шеи, сиюсь рассмотреть, что делается внизу. А картина вырисовывалась нереальная до жути: на станции валялось несколько телефонов с включенными экранами, в слабом синеватом свете двигались фигуры человекообразных существ. Сходились вместе, перерыкивались, косились на сбившихся в кучу людей, но нападать не спешили.

Рядом тихонечко пицала девочка лет десяти, ее прижимала к себе напуганная молодая мать. Лена истерила из последних сил. Когда она потеряла сознание, Гарик перетащил бездыханное тело сюда и перевязал поясом кровоточащую ногу. Рана на внутренней стороне бедра была глубокой — вырвали кусок кожи, если бы не жир, пострадали бы мышцы и связки, а так ничего, жить можно, но больно конечно же.

Лена здесь, под присмотром, а что же с детьми? Что там, на поверхности?

Яна...

Воображение нарисовало панику в вагоне, застрявшем в тоннеле. Яна, разумеется, попытается организовать людей. Вот они

выбрались на рельсы, а навстречу — голые полулюди. И спрятаться негде, разве что в вагоне. И помощи ждать неоткуда.

Гарик сжал кулаки. Да и тут не на кого надеяться. Оружие только у полицейских, и дубину сделать не из чего, а твари сильны, гораздо сильнее людей. Хорошо, если у них есть разум и они поймут, что лучше не нападать. Или хотя бы инстинкты сработают, и дикари испугаются грохота выстрелов.

Люди не двигались, молчали и даже дышали в такт. Твари наконец перестали интересоваться живыми. Раздались хруст и треск. Примерно так трещит рвущаяся ткань. Игорь похолодел: дикари сели на корточки и пожирали трупы тех, кто не успел спастись. Похоже, сородичами они тоже не брезговали. Подавляя тошноту, Гарик отвернулся. Кто-то ахнул, кого-то шумно вырвало. Лена перестала ворчать, вцепилась в штанину мужа и пролепетала:

— Что там?

Гарик ответил:

— Надеюсь, они нажрутца и уйдут, а не станут запасать пищу.

Сглотнув, он закрыл глаза, ущипнул себя за

руку, но кошмар не прекратился — напротив, с каждой минутой он все усиливался, потому что стоило сомкнуть веки, и появлялось бледное лицо Яны; в ее зеленых, слегка раскосых глазах блестели слезы. Временами Гарику чудилось, что слышен Янин голос, он вертел головой, вглядываясь в женские лица, подсвеченные телефонами. Нет. Ее здесь нет. Остается надеяться, что она не уехала с «Выхино» — станция открытая, и у Яны будет шанс.

«Бедная моя девочка, прости, что я не уберег, не смог тебе помочь. Не успел сказать, что люблю».

Время замерло и превратилось в одно растянутое в бесконечности мгновение. Часы стали. Царила мертвая тишина, изредка доносились шепот да хруст разгрызаемых хрящей.

Тишину разорвал выстрел. Люди засуетились и подались назад: Гарик ошибся — твари перешли в наступление.

Надя

У двери в подвал Надя остановилась в нерешительности, прижимая «позаимствованный» ноут локтем к боку. Конечно, от смерча лучше укрыться там, но вдруг дом рухнет? Под завалом пока найдут... Что-то ни ментов, ни МЧС не видно — каждый сам за себя. Выживаем, как умеем.

Логичнее всего было остаться на лестничной площадке первого этажа, встать в дверном проеме.

Васька всхлипывала не переставая. На эту надежды никакой, надо самой соображать. Успеют ли они добежать до Надиного дома? Нет. На улице такой ураган — сметет моментально. Папа, наверное, носится по району, ищет дочь. Должен. Обязан.

Логика, правда, подсказывала, что в этом бардаке папа Надю отыщет, только если очень повезет. А значит, вернулись всё к тому же: ни на кого нельзя надеяться, кроме самой себя.

В темном подвале толпились незнакомые люди — стояли и сидели, прислонившись к стенам. На девушек никто не обратил внимания. Надя решила далеко не уходить и привалилась к пыльной трубе, обмотанной изоляцией, ноут

сунула за пояс сзади. Васька рухнула на пол, ее плечи задергались. Ревет дурища, хотя радоваться надо — успели-таки спрятаться.

О том, что творится на улице, Надя старалась не думать, закрыла уши ладонями, а воображение рисовало приближающийся смерч. Вот он — совсем рядом, дома рушатся, и в смертоносном вихре кружатся кирпичи, арматура, машины и люди.

Только бы отец уцелел, он должен придумать, как выживать в разрушенном городе. Надя боялась, что сама не справится. Мысли замерли, как мухи в варенье. Люди почти не двигались, смотрели друг на друга без выражения и молчали. Даже Васька дергаться перестала.

Наконец бодрый белобородый дедок в кепке поднялся и направился к выходу. Исчез в неизвестности.

— Можно выходить! — крикнул он, и Надя побежала наверх.

Смерч отдалялся, он прошел метрах в пятистах, и дома, попавшиеся на его пути, не устояли. А еще исчезли машины. Видимо, их втянуло в ненасытную утробу торнадо. Надя протерла глаза. Как во сне. Потрогала шершавую стену и уперлась в нее лбом. Теперь — попить и

домой. Дома безопасно. Если отец выжил, он наверняка придет.

Ураган, похоже, ослаб. Подождав еще немного, Надя окончательно решила сделать марш-бросок домой. Пусть отец разбирается, как дальше жить и что делать, она сама не справится, это слишком тяжело.

— Идем, — скомандовала она Ваське и шагнула в бурю, защищая глаза от пыли.

Василиса держалась молодцом, ее волосы развевались черным флагом, она не ныла. Или ныла тихонько, но слова растворялись в грохоте. Хотелось остаться в подвале, накрыть голову руками и подождать, пока стихия успокоится, — все время чудилось, что на голову свалится кирпич или кусок жести. Когда порывы ветра усиливались, нестерпимым становилось желание присесть, переждать, но Надя боролась со страхом и брела вперед. Порезанная нога ныла, джинсы пропитались кровью. Ерунда, царапина.

Под ноги прикатилась полупустая бутылка минералки, Надя схватила ее, присосалась к горлышку. Когда напилась, поделилась с замурзанной Васькой и пошутила:

— А жизнь-то налаживается!

Ветер постепенно стихал. На горизонте извивались смерчи — далекие и неопасные. Теперь предстояло пересечь участок, превращенный беспощадной стихией в пустырь. Фундаменты торчали из покореженной земли, как гнилые зубы из десен старухи. Осмотревшись и мысленно проложив маршрут, Надя, стараясь по сторонам не глядеть, переступала через обломки, терла слезящиеся глаза. Споткнулась, глянула под ноги и закрыла рот руками.

Присыпанный пылью, там валялся обезображенный труп. Свеженький — кровь еще сочилась из кровавого месива, которое недавно было лицом. От рук остались обглоданные кости, словно несчастного терзала стая голодных псов. Надю вывернуло прямо на мертвеца. Васька завизжала и села на подкосившиеся ноги, ее тоже рвало. Надя длинно и многоэтажно выругалась. Стихия не могла нанести несчастному таких повреждений — его сожрали, возможно, его ели еще живым.

Надька схватила корявую доску, выставила перед собой. Вспомнился давешний крокодил. Наверное, это он. И он опасен. Но разве может рептилия нормально себя чувствовать вдалеке от воды? Да еще и нападать на людей? Значит, где-то поблизости бродит неведомая и очень опасная тварь, одно утешает — она уже не голодна. Как бы то ни было, нужно быстрее отсюда убираться.

До дома рукой подать. Считай пришли уже, хотя воздух пыльный, видно плохо, но, кажется, их многоэтажка уцелела.

Сливаясь со свистом ветра, над развалинами пронесся протяжный вой. Бросив палку, Надя со всех ног рванула к покореженному фургону фуры, который, на ее счастье, принес сюда смерч. Волки! Голодные волки! Здесь!!! Быть такого не может, но они есть!

Ветер хлестал по щекам, позади поскуливала Васька и мерещились тени меж руин. Волки бежали следом и не спешили нападать, от воя кровь застывала в жилах.

Задыхаясь, Надя попыталась открыть покореженные двери фургона — они поддались, в лицо дохнуло живительной прохладой и формалином: фура перевозила кур. Трясущаяся Васька влетела в фургон следом и с трудом захлопнула дверь. Девушки, хватая воздух разинутыми ртами, таращились друг на друга и не могли вымолвить ни слова. Зад холодили еще не оттаявшие куриные тушки.

Надя указала на дыру с обратной стороны фургона, куда мог запросто пролезть человек, а волк — и подавно. Взвизгнув, Васька распласталась на тушках и попыталась в них зарыться, Надя была ближе к выходу, и то, что

она увидела в щель, лишило ее способности двигаться: по улице цепью двигались волки. Точнее, существа, похожие на волков, но крупнее. Вместо шерсти они, наподобие броненосца, были покрыты щитками.

Только не кричать! И не дышать! Надя мечтала раствориться, исчезнуть, до боли закусила губу. Волки обогнули фургон и остановились, поводя мордами из стороны в сторону.

Здесь небезопасно, а вот в нескольких десятках метров — относительно целая трансформаторная будка, где можно укрыться и переждать, а там твари отвлекутся на кого-нибудь еще. Только как туда добраться?

Вожак стаи повернул голову к фургону, и Наде почудилось, что он смотрит ей в глаза. По щеке скатилась капля пота. Надя боялась даже моргать, лихорадочно соображала, что же делать. Взгляд остановился на силуэте родного дома, потом — на Ваське. И она поняла.

Получится. Должно получиться! Немного осталось.

Яна

До Кузьминок быстро добраться не удалось — поднялся ураган, который пришлось пережить в подземном переходе. Понимая, что дальше тянуть некуда, Яна с попутчиком двинулись вперед, рискуя быть погребенными под рушащимися домами.

Живых людей на пути не встречалось, только трупы — присыпанные мусором и обломками. Идти пришлось пешком: во-первых, дороги были повреждены, а во-вторых, машины почему-то не заводились. Плюс ко всему пропало электричество и мобильная связь так и не заработала. Яна старалась не думать о том, что началась война с применением неизвестного оружия, и о том, что у людей такого оружия попросту нет. По городу гуляли смерчи — благо, далеко; жара стояла градусов сорок, не меньше, пот лился градом.

У Яны была цель — Гарик, замурованный на станции, напоминающей больничную палату. Об остальном можно подумать позже.

Максим не задавал вопросов и, сжав зубы, шагал рядом. Постепенно ветер ослаб, а жара усилилась. Появились первые люди — напуганные, грязные, они бродили по улицам, рыдая, лазали по грудам кирпича — своим

домам.

А вот невысокие кирпичные здания уцелели, с них лишь местами сорвало крыши. Но во дворе не было никого, будто все жильцы разом исчезли. За перевернутыми мусорными баками Яна заметила странное шевеление и схватилась за АКСУ. Максим положил руку ей на плечо.

— Подожди, — прошептал он, пятась. — Там что-то... Япо-онский бог!

Теперь и Яна увидела, как здоровенные не то змеи, не то черви, потрескивая, тянули чьи-то останки в гигантскую кучу, похожую на муравейник. Куча эта — переплетение вытянутых тел — была с полутораэтажный дом, она клетотала и непрестанно двигалась.

— Что это?

— Не важно. Оно жрет людей, а значит — валим. — Максим схватил Яну за руку и потащил со двора.

Бежали, пока хватало сил. Напились в развороченном ларьке, ограбили покинутое отделение полиции, вооружив автоматом Максима, и выпустили задержанных. Яна действовала безотчетно, она понимала, что если начнет анализировать, откуда в Москве взялись

эти твари и почему на пути так много обглоданных трупов, то сойдет с ума и до цели не доберется.

Похоже, кто-то с ума уже сошел: ободренные полуголые люди рыскали среди развалин. Яна и Максим старались держаться от них подальше, но один выскочил навстречу, растопырил руки и зарычал — здоровенный, на голову выше Максима, совершенно лысый... С чешуйчатыми пластинами на голове и длинными иглами зубов. Макс прошел его очередь и долго не решался подойти: на спине получеловека пластины переходили в костистый гребень, будто огромные позвонки проросли сквозь кожу.

— Что это? — лепетала Яна. — Откуда?!

На предсмертный рык отозвались другие дикари — так их мысленно окрестила Яна — и двинулись на место трагедии. Пришлось бежать дворами, потом — гаражами. К счастью, в одном из них обнаружился мотоцикл «Урал» в отличном состоянии. Макс попробовал завести — получилось! Видимо, имел место электромагнитный импульс и пострадала электроника, механике же ничего не сделалось, и старые отечественные автомобили остались на ходу. Макс сел за руль, Яна с автоматом наготове — позади.

Ехали медленно, огибая препятствия и потрескавшийся асфальт; ослабший ветер хлестал по щекам, приходилось часто останавливаться, чтобы промыть глаза. Смерч прошел вдоль трассы, будто его направляла невидимая рука, испортил покрытие и всосал почти все машины.

Люди как повымерли, зато за мотоциклом долго бежала собачья стая. Точнее, Яне хотелось верить, что собачья, она даже выстрелила по развалинам, чтобы твари не подходили ближе и нельзя было убедиться: никакие это не псы, а волкоящеры с блестящими панцирями.

Чувства умерли. Остались голые рефлексy и то, что из темного неосознанного прорастает в судьбу, — любовь. Одно утешало Яну: если Гарик жив, под землей он в безопасности, ведь там нет проклятых тварей.

Оба входа в южный вестибюль «Кузьминок» завалило. Яна побродила вокруг, выругалась и с отчаянием пнула кусок плиты.

— Еще северный вестибюль есть, — задумчиво сказал Макс и закурил, закрывая зажигалку от ветра. — Давай глянем, что там.

«Там» ситуация была получше: меж завалами виднелся узкий лаз, Яна, не раздумывая,

бросилась туда.

— Я на стреме постою, а то мало ли, — прокричал Макс с улицы.

Потолок кое-где обрушился, меж завалов Яна пробралась к турникетам и не удержала возгласа разочарования: возле лестницы и эскалаторов бетонная махина рухнула целиком, над головой желтело чужое небо чужой Москвы, а по ту сторону плиты ждал спасения любимый. Ждал, видимо, напрасно. Яна села на корточки и рукавом размазала слезы. Здесь не лопата нужна — подъемный кран.

— Что там? — крикнул Макс.

— Писец, — отозвалась Яна и зашагала прочь, чтобы не слышать мольбы о помощи.

Выбралась на улицу и разревелась — зло и отчаянно. Макс прижал ее к себе. Он пах потом и табаком.

— Надо поискать — вдруг подвернется что полезное.

— Что? — пролепетала Яна. — Здесь даже бульдозер не поможет!

— Здесь — нет, а вот с той стороны... — Макс

отстранился и направился к заполненной автомобилями стоянке.

Смерч обошел Кузьминки стороной. Уцелевшие водители бродили вокруг дорогих игрушек, заламывая руки, но большинство машин стояли пустые. «Мерседесы», «субару» и даже «хаммер» — выбирай по душе. Белый лимузин протаранил «Газель» с пассажирами и замер навсегда. Рассыпав вонючий груз, на боку валялся мусоровоз, а на ремонтируемой обочине, целый и невредимый, стоял каток, чуть дальше — присыпанный мусором бульдозер.

— Есть! — с мальчишечьим азартом воскликнул Макс и побежал к бульдозеру.

Яна рванула следом, подтянулась и заняла сиденье рядом с водительским. Макс возился с проводкой, пытаясь завести машину. На его лице читалась крайняя степень сосредоточенности, глаза сияли фанатичным блеском.

— Механика, — пробормотал он. — Должно заработать...

Яна, сдвинув брови, наблюдала за этим странным человеком. Не выдержала и спросила:

— Зачем ты мне помогаешь?

Макс распотрошил проводку и ухмыльнулся, его взгляд вмиг сделался пронзительным, стылым.

— Я не знаю, что в Рязани. Может, ее уже нет, а может, там то же самое. У меня там осталась восьмилетняя дочь. Помогая тебе, я надеюсь, что кто-то поможет ей, и мне от этого легче... — Он еще что-то сказал, но его голос утонул в реве мотора.

— Ты умеешь управлять этой штукой?! — заорала Яна.

— Должен суметь. Сейчас посмотрим. Я — военный в отставке, у нас была дисциплина «Строительная техника».

Макс замкнул провода, и многотонная махина дернулась, съехала с обочины и, ковшом сминая легковушки, устремилась к южной части подземного перехода. Яна предположила, что Макс хочет сдвинуть завал, рассчитывая, что он протолкнется вглубь и освободит проход к лестнице. Если не рухнул потолок, если... К черту «если»!

Гарик

Выстрелы грохали все чаще — одни людоеды падали, на смену им приходили новые. И откуда их столько берется? Выжившие сосредоточились на эскалаторах. Наверху копошились, яростно матерясь, и, видимо, пытались раскопать завал — вниз летели камни. Один ударил Ленку, и она разразилась потоком упреков:

— Почему мы не наверху? Там безопаснее. Тащи меня туда! Мы совсем внизу. Если нападут — нам конец, иди раскапывай!

Гарик горестно вздохнул: наверх просто не протолкнуться.

— Мужик, заткни ты эту дуру! — посоветовала девчонка с розовой челкой.

Лена застыла с выпученными глазами и разинутым ртом, но возмутиться не успела: людоеды перешли в наступление. Полицейские еще отстреливались, но кто-то в первых рядах уже орал, кто-то ломанулся наверх, и началась свалка. Гарик подхватил Лену, чтобы ее не затоптали. Обезумевшая толпа прижала их друг к другу, супруга застонала и обмякла, закатив глаза, — видимо, ударила раненую ногу.

И тут толпа вздрогнула, ахнула, и давление

ослабло, по ступеням покатались камешки, струйкой потек песок вперемешку с известкой. Есть! Проход раскопан! Спасение!

Гарик похлопал супругу по щекам, зашептал в ухо:

— Очнись, Лена, давай, моя хорошая, мы спасены!

Супруга всхлипнула и распахнула веки.

— Помогай мне, надо наверх, надеюсь, мы успеем!

Лена заработала конечностями, забыв и о боли, и о ранении.

Люди по одному протискивались в узкий лаз, полицейские не выдержали натиска, внизу орали и хрипели, захлебываясь кровью. У чудовищ были когти и зубы, у людей — ничего, лишь жажда жизни. Гарик старался не слушать вопли, не обращать внимания на запах крови. Лену трясло, его — тоже.

И вот их очередь. Лена бросилась в лаз между бетонными плитами... и застряла. Девчонка с розовой челкой выматерилась, глядя на ее мясистые ноги и толстый зад. Пока это не сделал кто-то другой, Гарик поставил на зад

жены ботинок и с силой толкнул. Лена взвыла, но-о счастье! — пролезла.

Следом за ней Гарик вывалился в темный вестибюль, схватил ее за грудки, поставил на ноги.

— Бежим!

— Не могу-у, бо-ольно! Помоги мне, я сейчас сознание потеряю! — заскулила она, повиснув на его шее.

Пришлось одной рукой держать супругу, второй — подсвечивать телефоном путь.

Кое-как поднялись по ступенькам, миновали длинный коридор и уперлись в новый завал. Лена завывала, ее крик слился с отдаленными воплями несчастных, раздираемых людоедами.

Воцарилась тишина. Люди сбились в кучку, замерли, их хриплое дыхание эхом носилось по опустевшим коридорам. И вдруг Гарик различил наверху мерный рокот и крикнул:

— Всем отойти от выхода — подмога!

В этот момент зарокотало сильнее, обвал двинулся, еще двинулся и с грохотом обрушился внутрь вестибюля, лавиной увлекая тех, кто не

внял мудрому совету. Яркий свет резанул по глазам, в лицо дохнуло жаром. Лена заломила руки и рассмеялась.

Проморгавшись, Гарик различил в образовавшемся проломе два силуэта — мужчину и женщину, они стояли против света, и невозможно было рассмотреть детали. Толпа с воплем облегчения хлынула на свободу, к непривычно-желтому, с черными разводами небу. Не до конца веря в спасение, Гарик обхватил Лену поудобнее и устремился к выходу, подгоняемый рыком прорвавшихся людоедов.

Здесь нужно не поскользнуться на сыпучке, тут — чуть-чуть подтянуться, подтолкнуть неповоротливую Лену. Мужчина у края склона — высокий, плечистый — протянул ей руку, вытащил...

— Игорь? — пощечиной ударил знакомый голос — Гарик встрепенулся, взглянул на женщину и ослабел: Яна.

Чумазая, со спутанными волосами. Живая. Милая, родная Яночка. В глазах — и слезы, и радость, на губах — улыбка. Тянется навстречу, рука — в машинном масле и ссадинах.

— Это еще кто? — воскликнула Лена, вытаращившись на Яну.

— Яна Александровна, майор полиции. Приходилось сталкиваться... по работе, — оправдался он, пряча взор.

— По работе, значит, — проворчала Лена, уперев руки в бока. — Знаем мы твою работу, старый потаскун!

— Это не то, о чем ты подумала, — отрезал Гарик, наблюдая, как блекнут глаза Яны, и вот уже нет в них радости, и слез нет...

Отворачивается, улыбается криво, смотрит в сторону. А что было делать? Лену бросить — раненую, беспомощную?.. Она ведь жена, он обязан ее защищать. И дети...

«А ведь Яна специально сюда приехала — ради меня», — пришла запоздалая мысль. Гарик проследил направление ее взгляда и оцепенел: на месте дороги был провал, похожий на воронку, там что-то возилось. Или показалось? Он прищурился, вглядываясь в горы битого стекла и кирпичей: нет, ничего.

— Вот, значит, она какая, — бурчала Лена и пяtilась к воронке, сжимая кулаки. — Не то, что я подумала! Козел ты! Если это не так, скажи ей, что она для тебя — ноль, пустое место!

Янин помощник встрепенулся и пошел

очередью появившегося людоеда — тот заревел и на пузе уполз в вестибюль. В этот момент из развалин в воронке метнулась туша, Гарик не успел толком рассмотреть, что это — блестящая на солнце броня, изогнутые лапы с когтями, разинутая пасть, увенчанная двумя рядами острых зубов...

Время замедлилось. Пасть медленно смыкалась на бедрах Лены, а Гарик стоял, парализованный, не в силах сдвинуться с места. Он разинул рот, но не успел ее предупредить, а Яна выстрелила, только когда Лена закричала и захрустели ее кости.

Это был дракон. Не дракон даже — огромная ящерица наподобие варана. Сжатая его челюстями, билась в агонии Лена — неважная жена, но талантливый человек. По чешуйчатым губам твари лилась кровь вперемешку с жировой тканью.

Пули не причиняли твари вреда. Выскочила еще одна ящерица размером с корову. Хрясь — сомкнула челюсти на Лениной голове...

Удар — Яна отвесила Гарику пощечину и поволокла его к бульдозеру, стоявшему неподалеку.

Навалилось отупение. Гарик сжал виски и

замер на сиденье рядом с Яной, ее помощник полез за руль.

В ушах стоял предсмертный крик супруги и хруст костей.

— Едем в Люберцы, — со вздохом скомандовала Яна водителю.

Сначала Гарик не понял, почему именно в Люберцы, а потом сообразил — Яна знала, где он живет, и везла домой, к детям.

Михаил

Смерч приближался. Гремел, выл и рычал. Мику удалось разблокировать перекошенную дверь подъезда и прикрыть ее. Щель осталась, но не очень широкая. Прижимаясь к стонущему другу, Мик наблюдал, как смерч, подобно ненасытному великану, отламывает от домов куски, с корнем вырывает липы и оправляет в ненасытную утробу. Мик видел его черное вращающееся тело и фургон, вертящийся, будто щепка. Хлоп — врезалась в стену замороженная курица, шмяк — еще одна. Мик лег сверху на Годзиллу, прижимая его своим телом к полу.

Смерч засасывал мелкие обломки, и Мик понимал, что дверь вот-вот не выдержит, он сгинет в мясорубке, но все равно продолжал бороться. Смерч тянул за рубашку и джинсы, уговаривая прекратить борьбу. Все равно бесполезно, сдавайся, парень, ты проиграл.

Нет! Мик зажмурился и уткнулся в Борьку.

Когда он понял, что смерч прошел стороной, долго не мог разжать сведенные судорогой пальцы. Сел, размазал грязь по мокрому от пота лицу. Кровь молотом била в виски, во рту пересохло. Воды. Он должен найти воду.

Вот только — волки... Тащить Борьку через

пустырь — связать себя по рукам и ногам, наверняка угробить друга.

Мик тронул Годзиллу за плечо. Борька дышал совсем мелко и не часто, и на прикосновение не отреагировал. Нужно быстренько сбегать на разведку, отыскать воду, хотя бы лужу...

— Борь, я за водой. Я тебя закрою. А ты дождись меня.

Ответом Мику был вой ветра.

Мик выбрался в пекло, закашлялся — медленно оседала, скрадывая очертания предметов, пыль. Он навалился на дверь всем весом, створка скрипнула, но поддалась, и вскоре Мик запечатал вход в подъезд. И только тогда он позволил себе задрать голову и осмотреть дом — от пятиэтажки Годзиллы осталось полтора этажа и только два подъезда. Кто-то звал на помощь, но Мик не мог разорваться и не в силах был спасти всех.

Он решил идти к своему дому. Там в цокольном этаже магазинчик, и можно будет достать воды, а то и найти дружественных взрослых и сильных людей. «Ты это прекрати, — велел себе Мик, — ты, Михаил Игоревич Шилов, нынче сам — взрослый и сильный. По нашим временам все, кто выжил, — взрослые и сильные.

Так что топай, на Бога надейся, а сам не плошай».

Первый шаг в неизвестность дался с трудом. Смерч превратил знакомый как пять пальцев район в замусоренный пустырь. Оранжевое небо усиливало ощущение нереальности, но Мик был начеку и не поддавался подлой мыслишке — мол, это все сон. Нет уж, фиг уж. Он руки не опустит, не станет сидеть и ждать.

Он обязан помочь Годзилле, а потом — и маме, и папе, и даже дура Надьке, пусть она и зараза, но сестра же. Девушка.

Мик шел, и обломки, осколки, камешки хрустели под ногами. Он вертел головой, видел удаляющиеся веревки смерчей, слышал смолкающий гул, отдаленный вой.

Казалось, что кто-то, скрытый поднятой пылью, крадется следом.

Кто-то дышит в спину.

Кто-то ждет, когда ты споткнешься.

Мик подобрал обломок жерди с торчащими во все стороны, как кости из Борькиной ноги, гвоздями. Подумал — и в правую руку взял половину кирпича. Кто бы ни дышал сзади — Мик примет бой. Хорошо, если это напуганная

собака, большая напуганная собака, потерявшая хозяев. Плохо, если человек — крадущийся в пыли не может быть другом. Совсем худо — если волк.

Откуда взяться волкам в Люберцах?! Да оттуда же, откуда землетрясению, смерчу, жаре. Из преисподней, из параллельной вселенной — не важно. Мик слышал, как они выли, заглушая торнадо. А значит...

Ближе к его дому на пустыре стоял смутно знакомый фургон. Мик присмотрелся — тот самый рефрижератор, который смерч таскал. Надо же. Приземлился. Сейчас из него выйдет девочка Элли и всплеснет руками: старую ведьму раздавила.

Мик почему-то остановился и только через несколько секунд понял, почему сработал инстинкт: рефрижератор окружили тени. Твари на четырех ногах, похожие действительно на собак, вот только спины их подозрительно отблескивали, будто панцирем покрытые, да и большие слишком для псов. Как их обойти?

Может быть, волки унюхали курятину и просто собрались перекусить? Мик осторожно огляделся, выискивая пути обхода. И в этот момент у фургона, в каких-то жалких ста метрах, началось движение.

Сперва из рефрижератора выскочила и понеслась к трансформаторной будке тоненькая черноволосая девушка, лохматая до невозможности, в изодранной грязной одежде. Она мчалась мимо волков, высоко вскидывая колени и энергично работая локтями. Видно было, что бегать девушка не умеет, но страх придал ей сил. Мик открыл рот, чтобы крикнуть, — и прикусил язык. Нет. Если она успеет, проскочит перед мордами растерявшихся волков, у нее появится шанс. Отвлеки ее Мик — она споткнется, запоздает, и тогда ничто не поможет, не на жердь же и кирпич надеяться.

Все происходило считанные секунды. Из фургона вывалилась и, прихрамывая, ломанулась следом за черноволосой другая девушка — коротко стриженная, плотная, знакомая до боли.

Надька.

А черноволосая — Василиса, ее подружка, которую Надя в грош не ставила, вечно вытирала о нее ноги. А Васька — безответная, тихая. Вот и сейчас Надя отправила ее вперед, чтобы оценить опасность.

Ваське оставалось пробежать совсем немного.

Надя внезапно остановилась, развернулась и припустилась прочь от будки и подруги, к их

дому, проступающему сквозь пелену пыли высоким силуэтом. Мик замер. Волки замерли. А потом один из них, самый здоровый, шагнул к Надьке.

И стая кинулась. Мик стоял, не в силах сдвинуться с места. Васька достигла трансформаторной будки и теперь билась в дверь, не оглядывалась, пока волки не завыли. Вой подхлестнул Мика. Размахивая жердью и потрясая кирпичом, вопя что-то среднее между «Беги!» и «Обернись!», он бежал к сестре.

Надька обернулась. Она была слишком далеко, деталей не рассмотреть, но Мик почему-то знал: глаза ее побелели, губы приоткрылись. Надя споткнулась, упала на четвереньки, сделала несколько прыжков, не хуже, чем ее преследователи, снова упала, перекатилась на спину, увидела оскаленные пасти прямо перед собой, вскочила, выхватила что-то из-за пояса, взвесила на руке, запустила в жоака.

Мик все бежал. Медленно, словно в дурном сне. Краем глаза он заметил, как, подобрав обломок камня, спешит к подруге Васька.

Жоак мотнул головой, будто отгоняя волка. Надин удар не причинил ему никакого вреда. Жоак запрокинул громадную башку и снова взвыл. Заорала Васька. Тонко, пронзительно

завизжала Надя. Мик не успел — кольцо волков сомкнулось вокруг нее. Взмыла вверх в последнем призыве рука... Хруст. Чавканье. Их слишком много, они не наедятся.

— Уходи! — заорал Мик Ваське.

Она, кажется, не поняла. Подбежать, выкинуть кирпич, чтобы ухватить Ваську за руку, потащить за собой — думать было некогда, а то Мик не стал бы рисковать. Оглушенный гибелью сестры, он волок за собой ревущую чужую девушку, волок обратно, к закрытому подъезду, к Годзилле.

Бегут за ними? Преследуют? Загоняют?

Не оборачиваться. Обернись — и ужас лишит тебя сил, мужество покинет твою душу. Земля прыгала под ногами и била в пятки, Мик оступался, Васька висла на нем, мешала, жердь со свистом рассекала воздух. Пот заливал глаза, даже горячий ветер не успевал его высушить. У подъезда Мик отпустил Ваську, дернул дверь за ручку — снова заклинило, не открыть.

Васька скулила. Мик, не оглядываясь на нее, снова дернул створку, просунул жердь в образовавшуюся щель, нажал — жердь хрустнула, но дверь поддалась.

Нервы у Мика не выдержали. Он схватил

жмущуюся к его ногам Ваську, запихал в подъезд и с трудом протиснулся следом. Теперь успеть бы закрыть. Изнутри тяжелее, нужно тянуть, а дверная ручка может оторваться. Заорав, Мик дернул ее.

И створка захлопнулась легко, будто смазанная и идеально подогнанная. Никто не бился в нее с другой стороны. Никто не царапал когтями.

Заполошно дышала Васька, тяжело, с присвистом. У нее же астма, Надя ее так и называла — «моя астматичка» или, под настроение, «дохляк». Мик сел и прислонился к двери. Легкие драло изнутри, щеки пылали; казалось, сердце разорвется, не выдержит бешеного ритма.

Мик не знал, сколько времени прошло, но свистящее дыхание Васьки сменилось рыданиями — тихими и такими безнадежными, что у самого Мика моментально перехватило горло. В полутьме подъезда перед глазами его стояла Надина рука, вскинута к небу — с последней ли просьбой о помощи, с мольбой ли о легкой кончине или с проклятием выжившим?

— Она... меня спасала... вперед... а сама раненая была... И волки на нее... От меня уводила! — Васька подползла к Мику, обхватила

руками за шею и зашлась в плаче.

Насчет «от меня уводила» у Мика было другое мнение. Сестренка хотела использовать подругу как «отмычку», но вот просчиталась... Хотела. Просчиталась. И теперь ее нет. Нет сварливой, подлой, стервозной, эгоистичной Надьки. Нет сестры, покупавшей Мику сигареты, угощавшей пивом — в первый раз в жизни, тайком! Нет девчонки, рыдавшей в своей комнате, когда мама с папой ссорились.

Мик был младшим, но сегодня это не имело значения, он должен был, обязан защитить слабую сестру.

Он не смог спасти ее. Должен был — и не смог. Надька выживала сама, пока Мик тащил Годзиллу.

— погоди, — прервав сеанс самобичевания, попросил Мик Ваську. — Да заткнись ты! Тихо!

Васька замолчала, только вздрагивала всем телом. Но дыхания Борьки все равно не было слышно. Мик отпихнул девушку и кинулся к другу, упал рядом на колени, прижался ухом к груди — тихо. Проверил пульс на шее — его не было, живчик не бился. Да нет, ерунда, Мик просто не умеет, он ни разу не проверял пульс, он и на анатомии...

— Годзилла! — Мик потрянул друга за плечи, Борькина голова безвольно мотнулась. — Боря! Боря же!

Друг молчал. Тогда Мик решился на последнее средство — он с силой стукнул Борю по изувеченной ноге. Годзилла не пошевелился. Мертвые не чувствуют боли.

Мик долго еще сидел у трупа Борьки. Потом поднялся и Ваську заставил встать.

— Всё. Всё, я сказал! Прекрати истерику! Наше дело — выжить. Кому сможем помочь — поможем. Поняла? Всё. Потопали на второй этаж, оттуда улицу видно. Сопли подбери. — И добавил тише: — Мы их еще оплачем. У нас еще будет время всех оплакать.

Яна

Буря улеглась. Москва лежала в руинах, присыпанная пылью и пеплом, вдоль дороги сохранились лишь фундаменты. Яна с безразличием обозревала окрестности, словно так было всегда. Словно совсем недавно здесь не играли дети в песочницах, не жили люди, которые работали, страдали, любили друг друга. Ее не интересовало, что случилось с остальным миром, потому что ее мир рухнул, сторел и не осталось ничего — ни воспоминаний, ни сожалений.

Слева за рулем кусал губы молчаливый Максим, думал о дочери в далекой Рязани. Слева хмурился прижатый к дверце Гарик... Игорь. Нет, Игорь Владимирович, у которого дети в Люберцах. Яна смотрела в его глаза и видела разрушенный город, провалы окон и обвалившиеся балконы.

Свернули с трассы, и бульдозер вгрызся в завал. Теперь ехали медленно, приходилось прокладывать себе путь. Людей почти не встречалось, зато попадались волки в панцирях, огромные ящерицы и полуголые людоеды-мутанты. Пугаясь железного монстра, они спешили укрыться в развалинах.

Вскоре обнаружилась колея от другого смерча,

по ней и поехали. Гарик хватался за голову и грыз ноготь — колея вела к его дому.

С колеи повернули во дворы, миновали покореженный фургон, и Гарик трясущейся рукой указал на относительно целый дом:

— Здесь!

Максим заглушил мотор, соскочил на землю с автоматом наготове, Гарик тоже спрыгнул, и тут до слуха донеслось:

— Помоги-и-ите! На по-о-омощь!

Гарик рванул на крик, и Яна разглядела на втором этаже полуразрушенной хрущевки мальчишку.

— Мишка! — задыхаясь, кричал Гарик, бегущий к сыну.

— Папка! — перешел на фальцет мальчишка, соскочил вниз и, прихрамывая, рванул к отцу.

Со второго этажа свесилась, опасливо глядя на людей, зареванная черноволосая девушка.

Посреди заваленного мусором двора отец и сын обнялись. Мальчишка рыдал в голос. Из подъездов высыпали люди — усталые, грязные и

напуганные.

И вдруг на землю упала тень. Люди вскинули головы и поспешили в убежища: по небу плыл огромный... Корабль? Пластина? Платформа? Колени Яны подогнулись, и она села, прижав ладони к щекам.

Пришельцы? Так вот кто во всем виноват! Яна зажмурилась, ожидая, что сейчас, как в фильме, откроются люки на плоском дне и вниз устремятся бомбы. Прошло бесконечно долгое мгновение. Платформа медленно плыла. Люди испуганно наблюдали за ней, как бандерлоги за Каа. Но ничего не случилось: Каа был сыт. Или он не питался бандерлогами, ему было нужно другое.

Платформа улетела, исчезла в черном дыму на юге. Яна поднялась. Глянула на Максима, застывшего с сигаретой в руке. Сигарета сторела до фильтра и осыпалась. Подошел Гарик с сыном. Надо же, какое сходство: Гарик в миниатюре, на тридцать лет моложе.

— Держи. — Яна сунула Гарику автомат.

— А ты? — вскинул брови он.

— Вот еще патроны, возьми. Экономь. Отыщи «УАЗик» и уезжай из города. — Она развернулась

и похлопала Максима по плечу. — Поехали, что ли?

Вдвоем они зашагали к бульдозеру.

— Яна! — прокричал Гарик вдогонку. — Яночка, ты нужна мне!

— Я должна уехать, — отозвалась она, замерев у двери бульдозера. — Я нужна слишком многим. Тем, кто остался в метро и под завалами домов. У меня есть оружие, у них — нет. Цивилизованность сделала нас беззащитными. Мы должны научиться выживать и помочь другим. Извини, Гарик. Прощай.

В зеркале внешнего обзора отражались две удаляющиеся фигуры. Максим жевал ветку и молчал. Теперь Яна понимала его мотивы: он вел себя как человек, которому нечего терять.

Иван Магазинников.

Техника выживания

Манис вскинул голову, услышав подозрительный звук, и уставился в одну точку. Источник шума приближался к нему. Ящер недовольно фыркнул и, склонившись, вырвал из бока поверженной добычи еще один кусок. Кем бы ни было существо, идущее сюда, делиться с ним манис не собирался.

Вскоре из-за холма показалась высокая фигура. Ящер поднял голову. Существо было еще слишком далеко, и он продолжил трапезу, снова вцепившись в окровавленную тушу. Но тут что-то очень горячее ударило его в бок, опрокинув на песок.

Раненый ящер тяжело дышал и даже не повернул головы, когда рядом раздался жуткий рев. Неоднократно во время своих скитаний он слышал этот рев, напоминавший ему о годах мучений и плена. Обычно манис старался держаться подальше от существ, издающих такие звуки, но сегодня ему не повезло.

Рев вдруг утих, сменившись угрожающим рокотом.

— Отличный выстрел! Почти в сердце с шести

сотен шагов. Правда, вряд ли ты сможешь оценить такую точность, чешуйчатый.

Ящер из последних сил повернул голову в сторону подошедшего человека. Мелькнула яркая вспышка отраженного металлом света, и из перерезанного горла маниса хлынула кровь.

— Вот так-то оно лучше будет, — хмыкнул человек, пряча кинжал в ножны. — Ну, и кто из вас будет повкуснее, а?

Разумеется, ни мертвый манис, ни его истерзанная добыча на этот вопрос не ответили. Недолго думая, человек с кряхтеньем ухватил ящера за лапы и одним сильным рывком забросил его в сендер. Следом отправилась и вторая туша — чего зря добру пропадать?

Снова взревел мотор, сендер покатился дальше, набирая скорость...

*

Его звали Тоха Курс. Ничем не примечательный юноша лет двадцати — двадцати трех, с коротким ежиком темных волос и парой шрамов на нижней губе. Еще некоторое время назад он слыл одним из лучших харьковских оружейников стрелкового цеха, но... Всем, что у него было, начиная от репутации и

заканчивая мастерской и оборудованием, Тоха пожертвовал ради клочка бумаги, лежавшего сейчас во внутреннем кармане потертой кожаной куртки. Даже не бумаги, а ткани, на которой от руки была нарисована карта. И эти едва различимые, уже почти выцветшие линии, по мнению оружейника, стоили очень, очень многого. Чтобы карта попала к нему в руки, уже погибли два человека, и неизвестно, сколько еще крови прольется, прежде чем он доберется до цели. Цели, отмеченной на карте едва заметным крестиком.

Когда прозвучала названная клиентом цена, оружейник не колебался ни секунды, прекрасно представляя себе возможные последствия. Тогда он еще тешил себя этим словом: «возможные». Торговля ракетными установками была строжайше запрещена, и уж тем более было неосмотрительно передавать такое оружие представителю топливных кланов. Но... даже понимая, что это навсегда закроет перед ним ворота Харькова, Тоха крепко пожал руку маленькому человечку с бегающими крысиными глазками, тем самым скрепив сделку.

Человечек сказал, что работает на топливные кланы. Возможно, так оно и было. Ракетная установка — весомый аргумент в клановой борьбе за власть, но ни один вменяемый головорез — а именно такие обычно и стояли во

главе кланов — не упустит возможности наложить лапу на сокровища допогибельных времен. А это значило, что у Тохи есть конкуренты.

Тем не менее он был уверен, что сокровища находятся на месте, потому что человек с бегающими глазками сразу предупредил: они охраняются самым надежным сторожем — некрозом. Вряд ли у кланов были способы проникнуть в зараженные области, так что о сохранности клада можно не беспокоиться. По крайней мере до тех пор, пока Тоха до него не доберется.

— Мы едем-едем-едем в далекие края, — напевал себе под нос оружейник, спокойно всматриваясь в даль сквозь грязное лобовое стекло. Полоски стали сверху и снизу прикрывали его, оставляя для обзора узкую щель. Как и любой обитатель Пустоши, Тоха ценил безопасность куда выше комфорта. Сейчас он наслаждался свободой и чистым воздухом — и того и другого так не хватало на подземных улицах Харькова.

Путь предстоял неблизкий, так что оружейник остаток своих сбережений потратил на припасы, большую часть которых составляли вода, куски вяленого мяса и сухари. Дешево и сердито, как говаривал одноглазый оружейник Макс, чьи

мастерские находились неподалеку от цеха Тохи. Правда, калека так отзывался о рыжей шлюхе Тосе — та и впрямь была на редкость злобной стервой, зато и брала за свои услуги не в пример меньше прочих жриц любви. Но ни истосковавшемуся по женской ласке старине Максу, ни Тохе в данной ситуации выбирать не приходилось...

Мощный двигатель ревел, унося сендер в глубь пустыни. Где-то там, впереди, была узкая полоса леса, словно врезающаяся в пески... В обычных условиях этот беззащитный клочок растительности погиб бы, не устояв перед суровой стихией, если бы не покровительство некроза, подмявшего его под себя.

Именно там и находилось то, ради чего Тоха с легкостью отказался почти от всего, что у него было. Впрочем, у оружейника еще оставались голова и руки, и он был уверен в том, что делает. По крайней мере ему самому очень хотелось в это верить. Но сначала нужно было добраться до места, что в одиночку было не так-то просто.

Поначалу Тохе везло, он практически никого не встречал на своем пути. Едва заметив вдалеке что-нибудь подозрительное, тут же углублялся в пустыню. Благодаря предусмотрительно установленным широким шинам сендер мог проходить и через сыпучие пески, и через

скалистые «наросты», что позволяло оружейнику избегать нежелательных встреч, не будучи привязанным к наезженному тракту или плотному грунту, без которых не обойтись, путешествуя на обычном сендере или тяжелом, неповоротливом самоходе.

Однако долго так продолжаться не могло, и на четвертый день пути, пытаясь объехать клубок разбуженных шумом мотора песчаных змеев, Тоха едва не лишился колеса, напорвшись на обломок скалы. Зато благодаря этому он и заметил ящера с добычей. Собственных припасов было еще немало, но наслушавшийся рассказней пустынных бродяг Тоха старался использовать любую возможность расширить рацион.

— О, сюрприз! — увидев вдалеке частично заваленный самоход, прокомментировал оружейник.

Судя по характерным емкостям, примотанным к бортам, мобиль собирался в дальний поход. По крайней мере водой его владельцы запаслись основательно.

— Так-так... Кто бы ни напал на них, воду даже не тронули...

И действительно — неизвестные нападавшие

не только не уволокли контейнеры, но даже не продырявили их, чтобы спустить воду, как обычно поступали мародеры.

Как бы там ни было, оружейник решил присвоить несколько контейнеров, если, конечно, внутри действительно вода, причем пригодная для питья. Он вывернул руль, направляя сендер к разбитому самоходу.

Когда до вожденной добычи оставалось метров сто, Тоха почувал неладное. Ему показалось, что он слышит тихий мерный рокот и чьи-то голоса. И к сожалению, ни предчувствие, ни слух его не обманули: вдруг взревели двигатели, в некоторых местах песок словно взорвался, а из-под него вылетели бронированные сендеры, на которых сидели вооруженные люди. И они ехали прямо к нему! Тут даже пятилетний ребенок понял бы, что угодил в засаду. Тоха был чуть постарше и посообразительнее, а потому до пола вдавил педаль газа.

На каждом из четырех сендеров, помимо водителя, сидели еще по два-три человека, и все они были вооружены. Бандиты взяли оружейника в кольцо, теперь нужно было прорываться с боем.

Собственно, этим он и занимался. Проклиная все на свете, Тоха нагнул, предварительно

убедившись, что на пути нет помех, и сунул руку в спрятанный под сиденьем ящик. Вытащив оттуда гранату, он зубами выдернул чеку и приготовился к броску, направив свой сендер в сторону ближайшего мобиля противника. Нападавшие не стреляли: то ли не думали, что одинокий водитель может доставить им какие-то неприятности, то ли не хотели повредить Тохин груз и сендер.

Бросок оказался на редкость удачным: ударив в бронированный лист на капоте, граната отскочила и покатилась прямо в кабину. Сначала взрыв словно вдавил несчастный мобиль в песок, а потом разметал по окрестностям ошметки металла попеременно с плотью и горящими кусками ткани.

И тогда зазвучали первые выстрелы, пули зацокали по стальному щитку, прикрывавшему заднюю часть сендера Тохи. Но было уже поздно — беглец вырвался из окружения. Благодаря более мощному мотору и тому, что он нес только одного человека, мобиль Тохи сильно вырвался вперед, и вскоре преследователи исчезли из виду. Вероятно, поняли, что сегодня не их день, и вернулись назад — хоронить погибших и снова устраивать засаду на тех, у кого жадность окажется сильнее осторожности, а транспорт помедленнее, чем у слишком ловкого оружейника.

— Уррроды, — отвесил «комплимент» Тоха, когда что-то обжигающее ударило его пониже правого плеча с такой силой, что он едва удержал руль.

Пуля вошла чисто и засела в мягких тканях. Глубоко, но в целом он легко отделался. Отъехав подальше, Тоха убедился, что пулю самостоятельно извлечь никак не получится, а потому он просто обработал рану, перевязал ее, как смог, и забыл. Боль была терпимой, со временем он и вовсе свыкся с ней, стараясь лишь не нагружать правую руку.

Оставшиеся дни пути были не такими напряженными: пару стай песчаных шакалов оружейник отогнал с помощью световых и шумовых гранат, а косяк катранов заметил издали и объехал его, дав крюк в несколько километров. Будучи выходцем из подземного задымленного Харькова, он наслаждался простором и чистым воздухом. Но чем ближе была цель, тем больше нервничал оружейник. И вот на горизонте замаячило мрачное пятно.

Некроз. Хотя с такого расстояние мало что можно было разглядеть, Тоха словно чувствовал мрачную, гнетущую атмосферу пораженного неведомой болезнью места. И именно туда ему предстояло отправиться, чтобы получить свой приз. Или, скорее, отбить его у некроза.

Последняя пара километров далась нелегко. Вокруг зарослей, частью не затронутых некрозом, разгуливали панцирные волки. Чтобы избежать встречи с ними, Тохе приходилось постоянно петлять и снова углубляться в пустыню, рискуя повредить автомобиль — вокруг этого жуткого «оазиса» из песка торчали проржавевшие остовы мобилей и непонятных конструкций, то и дело норовящих проколоть колесо или пропороть днище. Когда сендер подпрыгивал, Тоха болезненно морщился и хватался за раненое плечо.

Наконец удалось отыскать укромное место. Оружейник загнал сендер в развалины и, укрыв брезентом, старательно закидал его песком, спрятав от чужих глаз. Затем вытащил из контейнера с инструментами свое «секретное оружие», с которым он намеревался победить некроз и забраться в самое его сердце — туда, где находился военный оружейный склад с тех времен, когда слово «некроз» имело совсем иное значение, а человеческая цивилизация переживала расцвет, пусть и стояла при этом на краю пропасти, которую сама же и создала.

Составитель карты утверждал, что хранилище осталось нетронутым некрозом благодаря металлической броне, предназначенной для защиты от такого оружия, которое даже в самых страшных кошмарах не снилось тем, кто родился

после Погибели. По неведомым причинам противостоять некрозу могли только металлы. И именно это натолкнуло Тоху на мысль.

Около часа ушло у него на сборку. Из всяких трубочек, пластин и непонятных загогулин он собрал что-то похожее на высокие сапоги из алюминия и легких сплавов. К ним прилагался аналогичный комплект перчаток чуть длиннее локтя. По задумке Тохи, в таком снаряжении можно было передвигаться по некрозу и совершать там простейшие манипуляции, не опасаясь заражения. Даже странно, что такая элементарная мысль до сих пор никому не приходила в голову. Конечно, добиться одновременно и подвижности, и герметичности было нелегко, но эту проблему он решил с помощью металлизированной резиновой прокладки.

— Ну, удачи мне, любимому, да обойдут меня стороной некроз и прочие мерзости, — выдохнул Тоха и сделал первый шаг.

Он опустил ногу в металлическом сапоге на пузыристую корку, покрывавшую землю. Дальше продвигался с предельной осторожностью и в любой момент готов был дать задний ход, едва почувствовав неладное. Шаг. Еще шаг... Углубившись в пораженную область шагов на тридцать, Тоха оглянулся. Горизонт был чист, не

считая останков сендеров да развалин, среди которых где-то был укрыт и его транспорт. Но оружейника не покидало смутное ощущение, что кто-то смотрит ему в спину. Из пустыни? Скорее всего. Если наблюдатель существует на самом деле, то в некрозе ему делать нечего — пятно старое, намного древнее, чем карта, нарисованная с десятков лет назад, так что все живое в нем давно уже стало частью некроза. Разве что кто-то находится в бункере?..

Отбросив посторонние мысли, Тоха зашагал дальше и вскоре вошел в лес. Разумеется, нормальных деревьев здесь давно уже не осталось, и приходилось следить, чтобы головы и плеч не коснулись бурые «лианы», свисавшие с покрытых наростами некроза ветвей.

Конфигурация пятна оказалась сложной, но бункер был обустроен в довольно приметном месте — в основании второго изгиба кривой, которую образовала полоса леса, вонзившегося в тело пустыни, — так что отыскал его оружейник практически сразу.

И первое, что бросилось ему в глаза, — это открытая дверь.

Конечно, она могла быть в таком положении уже не первый десяток лет — граница некроза обходила дверь стороной, — но есть ли тогда

смысл соваться внутрь? Или дверь кто-то открыл совсем недавно?.. Еще один искатель сокровищ? В такие совпадения Тоха не верил, да и кто вообще сказал, что карта существует в единственном экземпляре?

Сняв с плеча винчестер, оружейник осторожно двинулся вперед. Конечно, надежнее было сначала отправить в проход пару гранат, но откуда знать, кто или что находится внутри? Закрепив один фонарь на плече, а второй на запястье, он двинулся в проем.

Шаг. Еще один... Что-то звонко тренькнуло под ногой, а потом раздался оглушительный взрыв, сопровождаемый свистом. Или свист, сопровождаемый взрывом?

Не раздумывая, Тоха бросился на пол, кувырком вперед уходя от возможной атаки. Едва не заорал от боли: удар пришелся как раз на раненое плечо. Перекатился и тут же крутанул вокруг себя винчестер, держа его за ствол, чтобы отмахнуться от того, кому вздумается сейчас напасть. Приклад шваркнул по стене, и Тоха вскочил, прижался к ней спиной, выставив оружие.

— Bravo, bravo, — сквозь «вату» в ушах различил он насмешливый мужской голос и хлопки.

— Ну, за язык тебе никто не тянул, — пробурчал оружейник себе под нос и выстрелил в том направлении, откуда звучал голос.

— Неплохая попытка, — раздалось совсем с другой стороны.

Тоха был наготове, и звук выстрела почти слился с голосом незнакомца.

А потом неведомая сила вырвала у него из рук винчестер и обрушилась на затылок. Последнее, что он услышал, были слова незнакомца:

— Слишком уж ты резвый. Полежи немного, поостынь...

*

В чувство Тоха приходил медленно и мучительно. Возвращаться в суровую реальность, где его наверняка поджидают больно дерущиеся голоса, не хотелось.

— Давай-давай, я же вижу, что ты уже очнулся, — подбодрил его успевший стать ненавистным голос.

Болела голова. Болело ушибленное плечо. И острая боль в шее не давала пошевелиться. Странно, туда его вроде еще никто не бил.

Ушибся при падении?

Оружейник коснулся шеи рукой. Пальцы нащупали подозрительную припухлость, засохшую кровь и... швы?

— Вижу, ты уже нашел мой подарок.

— Что это? Что ты сделал со мной?

— Не волнуйся, ничего серьезного. Разумеется, только в том случае, если ты будешь тщательно выполнять все мои инструкции и не сделаешь какую-нибудь глупость.

— Что тебе от меня нужно?

— Ага. Значит, ты умеешь не только кувыркаться да палить во все подряд, но и немного соображаешь. Кстати, прими поздравления — с сапогами это ты здорово придумал. Молодец.

Похвала не произвела на оружейника впечатления, в отличие от облика говорившего — наконец-то спала пелена перед глазами, и Тоха смог осмотреться.

Он находился в бункере и был привязан к стулу. Правая рука была примотана за спиной и довольно крепко. Шагах в пяти перед ним стоял

высокий худой мужчина лет тридцати пяти — сорока. Впрочем, может, и помладше, но лоб его уже прочертили глубокие борозды, а волос коснулась седина — в этом мире старость приходила рано, да и смерть не особо задерживалась. Лоб широкий, подбородок твердый, взгляд уверенный и чуть насмешливый. На мужчине был длинный потрепанный плащ, а в руках он держал винчестер Тохи.

— Хорошая вещица... Сам над ней поработал?
— поинтересовался незнакомец.

Оружейник не ответил.

— И разумеется, ты мне не скажешь, почему у меня он не стреляет, а?

Снова тишина.

— Молчишь? Ну и ладно... А ведь ты должен быть благодарен мне.

— За что?

— Ну, во-первых, я спас тебя от смерти. Твоя рана — воспаление уже начиналось. Один, в пустыне... Ты был обречен.

— Болит, — слегка поведя плечом, прокомментировал оружейник.

— Пулю я оставил, пусть будет вместо напоминания. Да и обезболивающее не стал попусту переводить, все равно ты был в отключке. Но в остальном можешь не беспокоиться.

— А во-вторых?

— Тебе не нужно бегать по бункеру и тащить на себе через некроз кучу железа, которое здесь хранится. Если будешь паинькой, я все сделаю за тебя.

— Ладно, сдаюсь. Я сейчас не в том состоянии, чтобы разгадывать загадки. Рассказывай.

— Эх, ну что за молодежь нынче пошла? Никакой благодарности. — Незнакомец с деланным сожалением покачал головой. — Хорошо, слушай. К одному из шейных позвонков у тебя прикреплен взрывной механизм, который оторвет тебе голову ровно через две недели... или когда я нажму вот на эту кнопку. Я понятно излагаю?

— В голове шумит. Но общий смысл я улавливаю, так что продолжай.

— Твоя задача проста. Ты берешь посылку и доставляешь туда, куда я скажу. Разумеется, желательно успеть до того, как... — Незнакомец

многозначительно коснулся своей шеи.

— А взамен?

— Взамен ты получишь сендер, набитый оружием из этого хранилища. Не волнуйся, я лично встречу тебя на месте, чтобы забрать посылку. Там я сниму взрывное устройство и отдам тебе оружие. По-моему, очень выгодная сделка, не находишь?

— Посылку? Самому себе?

— Скажем так, у меня есть другие дела, кроме как мотаться по Пустоши по всяким пустякам. К тому же с тобой она будет в большей безопасности. — Незнакомец резко умолк.

— А если я не соглашусь? Или просто не успею?

— Ну, тогда... бум! И мне придется подыскать кого-нибудь другого. Так что — по рукам?

— А можно еще вопрос?

Мужчина не ответил, но его молчание Тоха решил считать знаком согласия.

— Как ты попал в сердце некроза? И как узнал про хранилище?

— Не один ты у нас такой умный. В общем, так. Посылка уже ждет тебя в твоём сендере, поэтому поторопись. Свои вещи заберешь вон в том углу.

Дальше последовал подробный инструктаж, затем незнакомец развязал юноше вторую руку. Разумеется, оружейник сразу же попытался напасть, но тело ему еще плохо повиновалось, и цель с легкостью отмахнулась от неуклюжей атаки, отбросив Тоху вместе со стулом к стене.

— Не балуй, малец. А то ведь я ненароком могу и на кнопку нажать, — погрозил ему мужчина и вышел. — Сроку тебе — две недели, — вместо прощания донеслось из-за двери.

Первым делом Тоха бросился к своим вещам. Незнакомец не обманул: все действительно было на месте, даже деньги и карта. Потом оружейник осмотрел помещение. Одна бронированная дверь была надежно заперта и, скорее всего, вела в хранилище. А вторая, через которую вышел мужчина, вела в длинный коридор.

Еще пара дверей. За одной — подсобка с пустыми шкафчиками и разбитым в щепки оружейным ящиком. Некроз уже начал покрывать древесину бурым налетом, едва заметным, — значит, хранилище было разгерметизировано совсем недавно. Или кто-то

хотел, чтобы Тоха думал именно так, и намеренно подбросил эти обломки. Возможно, даже использовав для этого его перчатки.

К сендеру он возвращался, не выпуская из рук оружия и постоянно оглядываясь: мало ли что? Покрытая некрозом земля мягко пружинила под ногами, и особенно старательно оружейник обходил наросты, похожие на пузыри, или пушистые полянки, словно присыпанные густой пылью. Не приведи Погибель, хотя бы частичка этого леса, запятнанного некрозом, коснется незащищенной металлом кожи или одежды.

Остановившись напротив развалин, где был спрятан сендер, но не покидая некрозного пятна, Тоха всмотрелся в песок. Два ряда следов. Один оставлен явно его «некроходами», а второй — сапогами предположительно того самого незнакомца. Вполне обычными сапогами... в которых можно разгуливать по некрозу?

— Интересно, что за посылочка меня дожидается... — Почесав шов на шее, оружейник направился к развалинам.

Он ожидал увидеть что угодно, но только не маленькую девочку, беззаботно лепившую куличики из песка с помощью его собственной чашки из нержавеющей стали.

— П-привет, — только и смог выдавить из себя Тоха.

— Здравствуйте. — Девочка встала с колен и отряхнула платье. Потом, осмотрев свои грязные ладошки, спрятала их за спину и представилась: — Меня зовут Юля, мне пять лет.

— Очень красивое имя, — стушевался юноша. С детьми до сегодняшнего дня ему не приходилось иметь дел, и он понятия не имел, что нужно говорить.

— Это вы меня отвезете в Железный город? На этой машинке?

— Хм... В Железный город? Пожалуй, подходящее название для Арзамаса. Да, Юля, похоже, что так. По крайней мере, если тебя здесь оставил тот странный дядя в темном плаще. Кстати, как его зовут?

— Не знаю. Он сказал, что это секрет.

— Так-так, погоди. А где твои родители?

— Дяденька, а вы не будете меня ругать? — У крошки на глаза навернулись слезы.

— Эй-эй, а ну хорош сырость разводить! Ну конечно, я не буду тебя ругать. Если только ты не

стащила что-нибудь из сендера.

— Из откуда? Такое слово смешное... Нет, я сама ничего не брала. Мне кружечку секретный дядя дал поиграть. У меня дома такая же была. Только беленькая, с цветочками.

— Дома? А где твой дом и где папа с мамой?

— Далеко. — Девочка вздохнула. — Я легла спать там, а проснулась уже тут. А мама и папа остались дома. И Лиза. И Мишутка. И кукла Даша. А здесь все другое, и мне страшно...

С каждым из этих странных имен голос девочки все больше дрожал, а потом она и вовсе разревелась. Не зная, что делать, Тоха просто прижал девочку к себе и начал гладить ее по голове. Пару раз он видел, как то же самое проделывала с внучкой тетка Зурья, жена старого оружейника с соседней улицы.

Хоровод мыслей кружился в голове юноши. Совсем не так представлял он себе результат поездки к старинному хранилищу. Раненое плечо, маленькая девочка и в придачу взрывное устройство в шее, которое может обезвредить один-единственный человек — по крайней мере, так он сам утверждал, — отличные трофеи, ничего не скажешь. Вместо горы оружия Тоха вынес из некроза лишь ворох новых проблем, не

слишком совместимых с безболезненным существованием.

— Ничего, прорвемся. Из Харькова вырвался, из некроза вернулся — значит, и это сможем...

Таким образом Тоха неубедительно пытался подбодрить скорее себя, чем девочку, ставшую его нежданной попутчицей. И от того, сумеет ли он доставить ее вовремя к пункту назначения, теперь зависела его жизнь.

Когда Юля успокоилась, они двинулись в путь, а Тоха пообещал ей, что больше не будет ничего спрашивать ни о родителях, ни о далеком доме. Усадив девочку рядом, он укрыл ее куском ткани и старался вести сендер так, чтобы их не слишком трясло. Мало ли, еще укачает кроху... Но девочка держалась стойко. Вцепившись в поперечную перекладину, она с любопытством вертела головой по сторонам, словно все увиденное было для нее в диковинку.

— Эй, а это у тебя откуда? — Тоха заметил у Юли на шее темное пятно. Грязь? Синяк?

— Нравится? Секретному дяде тоже рисунок понравился. Только я не знаю, откуда у меня такой красивый рисунок.

— Рисунок?